

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин),
доцент Ленинградской Духовной Академии

РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с приближающимся 1000-летием Крещения Руси все более актуальными становятся вопросы, имеющие отношение к истории Византии и становлению русско-византийских связей. Важную роль в изучении этих вопросов сыграл Русский Археологический Институт в Константинополе (далее — РАИК или Институт), сравнительно недолгая деятельность которого (1895—1914 гг.) отмечена целой серией важных открытий в данной области. Но по прошествии десятилетия обстоятельства, связанные с учреждением Института и его обширными исследованиями, оказались незаслуженно забытыми и требуют должного освещения. И для того, чтобы более отчетливо определить то место, которое занимал РАИК в развитии отечественной византистики, сначала необходимо кратко упомянуть об основных этапах ее становления.

Истоки русского византиноведения восходят ко временам Киевской Руси. Уже в X—XI вв., намного раньше, чем в Западной Европе, на Руси появились переводы византийских хроник, в том числе Иоанна Малалы, Георгия Синкеллы и Георгия Амартола. Интерес к истории византийского государства и древностям его столицы — Константинополя — проявлялся и в описании «хождений» русских паломников в Царьград.

Большое значение для развития отечественной византологии имел постоянный приток греческого духовенства, приходившего в Россию в XVI—XVII вв. за сбором милостыни и приносившего с собой греческие и славянские рукописи; некоторые восточные патриархи и епископы, подолгу проживая в Москве и других русских городах, сообщали о положении Православной Церкви в Турецкой империи.

Переходя к истории научного византиноведения в России, нужно отметить, что в XVIII в. в России появляются уже специальные издания византийских источников. Так, в 1771—1779 гг. был напечатан обширный труд И. Стриттера, содержащий извлечения византийских писателей о странах и народах, живущих к северу от Черного моря и на Кавказе. Эта работа в сокращении была переведена на русский язык под названием: «Известия византийских источников, объясняющих российскую историю древних времен и переселение народов» (чч. 1—4. СПб., 1770—1776). Во второй четверти XIX в., под влиянием усиления национально-освободительного движения балканских народов (греков, болгар и др.), в России наметилось расширение интереса к прошлому Балканского полуострова и, в частности, к Византии. В 1830—1840 гг. начали появляться как общие обзоры византийской истории, рассчитанные на широкие круги читателей¹, так и специальные исследования, посвященные ее отдельным периодам или вопросам.

Известную роль в развитии русского византиноведения сыграли Крымская война и ее последствия. В связи с этим в середине XIX в. количество византиноведческих изданий еще более возрастает (работы Г. Г. Гагарина, В. И. Григоровича, М. М. Стасюлевича, Э. Муральта, епископа Порфирия (Успенского), А. Энгельмана и др.), появляются переводы сочинений византийских историков и других материалов; еще более расширилась их тематика.

Во второй половине XIX в. в России торжественно отмечались знаменательные юбилеи. Это, во-первых, 1000-летие основания Русского государства (862—1862), во-вторых, юбилей просветителей славян святых Кирилла и Мефодия (1885), затем 900-летие Крещения Руси и, наконец, тысячелетний юбилей со времени кончины патриарха Фотия (891—1891). Эти торжества и связанные с ними мероприятия вызвали к жизни новые работы, посвященные исследованию истории русско-византийских цер-

ковных связей. Особенно важными последствиями для развития отечественного византиноведения сопровождалось празднование 900-летия Крещения Руси (988—1888). К этому времени стала очевидной необходимость дальнейшей разработки отечественной византологии. Дело в том, что в то время ни одно из русских научных учреждений не имело в своем уставе положения, признающего самостоятельный характер византийских учений. В Российской Академии наук византологические изучения проводились при кафедре русской истории; в университетах история Византии изучалась при кафедрах всеобщей истории.

Таково было положение на конец 1880-х годов, и не случайно, что в одной речи, произнесенной при праздновании 900-летнего юбилея Крещения Руси, говорилось, в частности, следующее: «Когда через сто лет будет праздноваться тысячелетие просвещения России христианством, тогда будут открыты в университетах и академиях кафедры по Византии, будут действовать ученые общества, занятые византиноведением, в журналах будут печататься статьи по византийской истории и литературе. Ученые и ораторы, имеющие говорить через сто лет после нас, будут доказывать, что XX столетие открыло в изучении Византии клад, обогативший русскую науку и давший ей национальное содержание». Но тем не менее в конце этого же доклада говорилось о том, что «мы отнимем у этих ораторов лишний повод бросить на наш счет красное слово, когда публично засвидетельствуем, что и мы, современники 900-летнего юбилея Крещения Руси, понимали, что в изучении Византии заключаются насущные потребности русской науки и нравственный долг русского народа»².

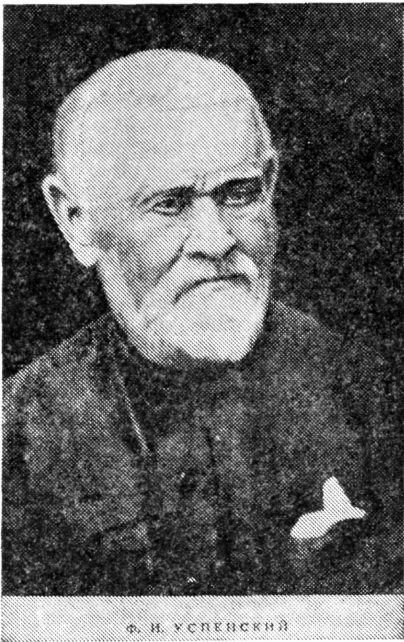
Будущее показало, что эти слова оказались верными. С конца 1880-х — начала 1890-х годов русское византиноведение вступило в период своего расцвета. Наиболее выдающимися византиноведами в этот период были В. Г. Васильевский (1838—1899) и Ф. И. Успенский (1845—1928), а в области византийского искусства — Н. П. Кондаков (1844—1925). Важное значение имели также труды Н. А. Скабаллановича, Т. Д. Флоринского, В. Р. Розена, Ф. А. Терновского, А. С. Павлова, П. В. Безобразова, Д. В. Айналова, А. И. Кирпичникова, В. Э. Регеля, И. Е. Троицкого, Д. Ф. Беляева, С. Г. Дестуниса и ряда других. И если в XVIII в. русское византиноведение было в определенной степени обязано своим развитием немецким церковным историкам, то уже теперь выдающийся византолог, мюнхенский профессор Карл Крумбахер изучал русский язык, чтобы пользоваться трудами русских исследователей. Многочисленные работы русских историков этого периода на очень широком материале византийской историографии, агиографии, философской и художественной литературы покончили навсегда с мнением о неподвижности, застойности византийской культуры.

В эти годы русские византинисты неутомимо и плодотворно трудились в области поиска и публикации новых литературных памятников и источников по истории Византии. Они первыми начали использовать агиографическую литературу в качестве исторического источника. Ценные материалы были обнаружены в русских книгохранилищах; много новых материалов было найдено и в западноевропейских архивах. Но естественно, что наибольшее количество публикаций было сделано по материалам рукописных архивов монастырей и книгохранилищ, расположенных на территориях, некогда входивших в состав Византийской империи. Выдающаяся роль по обогащению отечественной византистики и мировой науки целым рядом первоклассных памятников принадлежала основанному в 1895 году Русскому Археологическому Институту в Константинополе, бессменно возглавлявшемуся знаменитым русским византологом Ф. И. Успенским.

Ф. И. УСПЕНСКИЙ — ОСНОВАТЕЛЬ ИНСТИТУТА

Федор Иванович Успенский родился в погосте Горки Галичского уезда Костромской губернии 7 февраля 1845 г.; с 1855 по 1860 г. учился в Галичском уездном духовном училище; с 1860 по 1866 г. — в Костромской духовной семинарии. С 1867 по 1871 г. Ф. И. Успенский — студент Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета; в 1874 г. он защитил здесь диссертацию на степень магистра всеобщей истории, представив сочинение на тему «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон». В том же году он был утвержден доцентом по кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете. В 1879 году в С.-Петербургском университете Ф. И. Успенский защитил на степень доктора всеобщей истории диссертацию на тему: «Образование Второго Болгарского царства»³. В том же году Ф. И. Успенский был утвержден ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета; в 1894 г. он был утвержден деканом этого же университета.

Будучи профессором Новороссийского университета, Ф. И. Успенский в июне

Ф. И. УСПЕНСКИЙ

1888 года, когда Русская Православная Церковь праздновала 900-летие Крещения Руси, обратился с докладной запиской к одесскому генерал-губернатору Христофору Христофоровичу Роопу, где, в частности, отмечалось следующее: «В среде ученых давно уже осознана потребность более внимательного и разностороннего изучения православного Востока, с которым Россия тесно связана единством веры, тысячелетними преданиями в прошлом и общностью политических и религиозных интересов в будущем... Ввиду исполнения ныне 900-летнего юбилея просвещения России христианством в особенности уместно вспомнить, что... в изучении Византии и православного Востока лежит национально русская тема, здесь же заключаются и основные задачи русской науки»⁴.

Далее Ф. И. Успенский предлагал создать специальный научный орган по изучению истории Византии, подчеркивая, что «прежде всего нужно объединить частные попытки изучения Византии и направить их к одной цели. Для этого лучшим средством служило бы учреждение в России ученого общества для изучения Византии... Цель общества будет заключаться в оживлении и направлении византийских занятий в России. Для этого оно будет заниматься исследованиями по византийской истории

и литературе, изучением и описанием библиотек в России и на Востоке, заключающих в себе греческие рукописи, исследованием монументальных памятников, изучением этнографического материала. Общество не должно ограничивать свою деятельность пределами России, но постепенно расширять область изучения в пределах народностей, зависевших от Византии в политическом и культурном отношении»⁵.

Но к этому времени уже почти созрела идея об активизации византологических исследований непосредственно в пределах бывшей Византийской империи, также высказанная впервые Ф. И. Успенским. Византолог академик В. Г. Васильевский в своем письме к Ф. И. Успенскому, перечислив препятствия, лежащие на пути осуществления представленного проекта в России, в то же время добавил: «Вот совершенно другое было бы, если бы осуществился Ваш прежний проект об институте в Константинополе. Если Ваша новая идея есть только видоизменение прежней — почему-то заглохшей (разве окончательно?), если Вы собираете дружину для похода или даже для переселения в Цареград, то, конечно, пришлось бы рассуждать иначе»⁶.

И этой давней мечте Ф. И. Успенского о создании исследовательского центра в Константинополе вскоре довелось получить поддержку: в письме от 6 июня 1889 года одесский генерал-губернатор сообщал Ф. И. Успенскому следующее: «В настоящее время нашим послом в Константинополе (А. И. Нелидовым.— Авт.) возбужден вопрос об учреждении в названном городе русского ученого института с целью изучения христианского Востока»⁷. «Таким образом, — вспоминал Ф. И. Успенский впоследствии, — вопрос об открытии общества для изучения Византии в 1889 году встретился с другим, именно — с проектом учреждения в Константинополе специального института по византинведению»⁸.

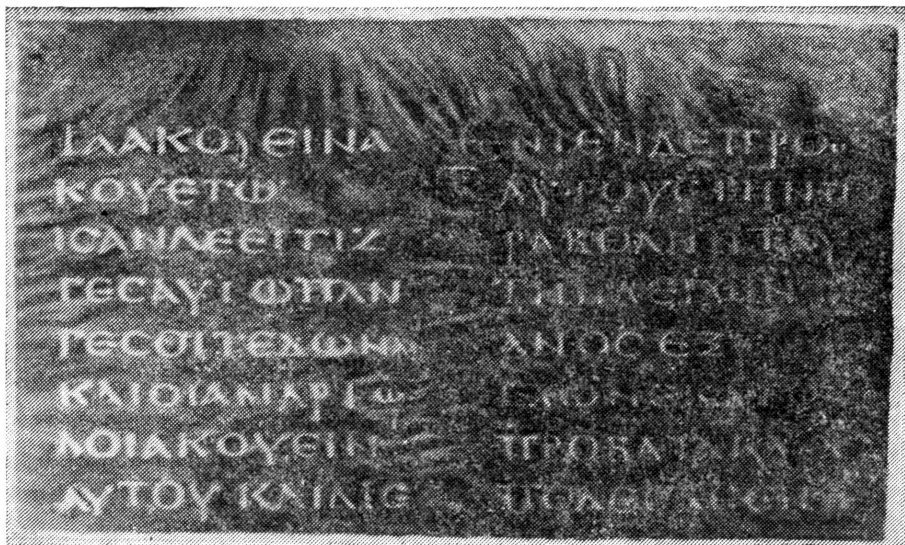
Труды по организации Института продолжались несколько лет при поддержке русского посла в Константинополе А. И. Нелидова, члена посольства П. Б. Мансурова, министра народного просвещения И. Д. Делянова и других лиц. Самое активное участие в этом деле принял проф. Новороссийского университета Ф. И. Успенский, который и стал директором новосозданного Института. 26 февраля 1895 года настоятель посольской церкви в Константинополе архимандрит Борис отслужил молебен, а затем состоялся торжественный акт открытия Института.

В своей речи при открытии Института Ф. И. Успенский наметил основные задачи будущей работы; он придавал большое значение исследованию русско-византийских связей, относящихся к эпохе христианизации Руси. «Для нас Византия не археологическая или отвлеченная проблема знания, а реальный предмет, важный для познания

своей собственной истории,— подчеркнул Ф. И. Успенский. — Наши сношения с Византией в IX и X вв., закончившиеся принятием восточного Православия, оставили глубокие следы в народном сознании, отразились в системе устройства Русского государства, в разнообразных заимствованиях и церковной, гражданской и бытовой обстановке»⁹.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ И РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ

С первых же месяцев своей работы в Константинополе сотрудники Института уделяли большое внимание исследованию и спасению от порчи и гибели древних византийских рукописей, и на этом поприще они снискали заслуженную славу в международных научных кругах. И в связи с этим следует в первую очередь упомянуть о знаменитом Сармисахльском кодексе VI в.

Фрагмент Сармисахльского Евангелия

В годы, предшествовавшие основанию Института, в Константинополе стали распространяться сведения о том, что в деревне Сармисахлы, близ Кесарии (турецк. Кайсери), хранится древняя рукопись Евангелия. Переговоры о ее приобретении с крестьянами этой деревни уже несколько лет вели американские и английские ученые. До сотрудников Института сведения об этом дошли от русского археолога Я. И. Смирнова, который, путешествуя по Малой Азии, случайно увидел один лист рукописи, демонстрируемый в качестве образца для продажи всего манускрипта. Сотрудники Института исследовали этот листок и убедились в огромной научной ценности рукописи. Директор Института Ф. И. Успенский сообщил об этом русскому послу в Константинополе А. И. Нелидову, который взял на себя самую важную и наиболее трудную часть задачи — изыскание способов и средств для приобретения рукописи Евангелия¹⁰.

Необходимые для покупки сармисахльской рукописи средства в размере 10 тысяч рублей были вскоре выделены русским правительством, и русский консул в Конье А. Д. Левицкий совершил долгое и опасное путешествие по горам в зимнее время в деревню Сармисахлы, где и приобрел древнее Евангелие. В мае 1896 года оно было привезено в Россию и заняло почетное место в рукописном отделе Публичной библиотеки¹¹. Таким образом, благодаря трудам почетного председателя Института

А. И. Нелидова и усилиям его сотрудников древняя рукопись, получившая название «пурпурной» по цвету ее пергамента, была спасена для науки.

Сотрудники Института незамедлительно занялись изучением этого драгоценного приобретения, причем оказалось, что первоначальный объем рукописи при ее написании составлял 490 листов; из этого количества сохранилось 227 листов, причем часть из них — 33 листа — была обнаружена на о. Патмос в монастыре св. Иоанна Богослова¹². Кроме того, отдельные листы «пурпурного Евангелия» хранились в библиотеках Вены (2 л.), Рима (6 л.) и Лондона (4 л.).

Что же касается «сармисахльйской» части «пурпурного Евангелия», то с 1820 г., когда ее переплели, она не испытывала уже дальнейших утрат своих листов, а хранилась жителями деревни Сармисахлы с подобающим благоговением. «Пурпурный кодекс» — это один из древнейших текстов Священного Писания. Палеографы, изучавшие листы кодекса в европейских библиотеках, пришли к выводу, что они написаны в VI веке. О ценности этой рукописи свидетельствует следующий факт: в 1888 г. Ватиканская библиотека, желая поднести папе Льву XIII к его юбилею перл из книжных сокровищ, остановилась на листах из «пурпурного кодекса» и издала их с царской роскошью¹³.

РАИК не ограничился изучением лишь Сармисахльйского кодекса, и в 1896 году сотрудник Института А. Д. Фадеев был командирован на о. Патмос для изучения и описания патмосских листов «пурпурного Евангелия». Вместе с тем поездкой своего сотрудника на о. Патмос руководство Института воспользовалось для того, чтобы исполнить поручение Археографической комиссии министерства народного просвещения, а именно — осуществить сверху принадлежавших этой комиссии рукописных копий части «Большого катихизиса» Феодора Студита с оригиналом, хранившимся в Патмосской библиотеке¹⁴.

Здесь же следует отметить, что А. Д. Фадеев проделал на Патмосе большую работу, продолжив здесь свои исследования в следующем, 1897 году. На этот раз предметом его изучений был анализ греческих церковных песнопений по древним рукописным ирмологиям. А. Д. Фадеев в Патмосской библиотеке особо отметил две рукописи с кондаками Романа Сладкопевца¹⁵. Достаточно указать на то, что в этих двух рукописях сохранилось 2537 кондаков, из которых около 2300 принадлежали несомненно Роману Сладкопевцу, и в акrostихе составляли его имя. По полноте и по количеству сохранившихся кондаков эти рукописи можно считать уникальными.

Сармисахльйский кодекс не был единственной древней рукописью, сохраненной от гибели благодаря деятельности сотрудников Института. Каждый год кабинет древностей Института пополнял манускриптами, написанными на греческом, славянском и других языках. Так, например, летом 1898 года Ф. И. Успенский и ученый секретарь Института Б. В. Фармаковский приобрели древний свиток из пергамента у одного продавца древностей на большом турецком базаре в Стамбуле. Текст манускрипта не имел ни начала, ни конца; он был написан на обеих сторонах свитка. На одной стороне содержалось последование вечерни с коленопреклоненными молитвами в день Пятидесятницы, на другой стороне свитка было продолжение последования вечерни Пятидесятницы, а затем следовало чинопоследование литургии Преждеосвященных Даров¹⁶.

Эта древняя рукопись была интересна тем, что представляла собой редкий пример свитка, в котором содержался чин вечерни Пятидесятницы и который был украшен роскошными миниатюрами (8). При изучении этого свитка было выявлено, что он был написан не позднее конца XIII века и имел константинопольское происхождение. Анализ текста свитка и имевшихся в нем миниатюр дал много новых сведений о богослужебной жизни Византийской Церкви в XI—XII вв.

Сотрудники Института не ограничивались изучением лишь тех рукописей, которые приобретались для пополнения кабинета древностей. Они также проводили постоянные изыскания в тех книгохранилищах Востока, которые были им доступны для посещения. Так, Ф. И. Успенскому удалось получить доступ в знаменитую султанскую библиотеку Серая, где, по имевшимся сведениям, должны были находиться остатки библиотеки византийских императоров. Три года Ф. И. Успенский изучал рукописи в этой библиотеке, и его труды увенчались успехом: он нашел здесь замечательный рукописный памятник, происходивший из библиотеки императорской династии Комнинов — украшенное 450 миниатюрами Восемикнижие (Октатевх), содержащее святоотеческие толкования на первые книги Библии. Огромная научная ценность рукописи подтверждалась и тем, что во всех европейских книгохранилищах имелось только четыре подобных экземпляра, да и то неполных. Ценность рукописи увеличивалась и из-за того, что она происходила из императорской библиотеки и что предисловие к ней было написано Исааком, сыном царя Алексея Комнина.

В 1903 году Институт добился разрешения у турецкого правительства на фотографирование миниатюр Серальского кодекса Восьмикнижия, и осенью того же года сотрудник Института художник Н. К. Клуге сделал более 120 снимков наиболее ценных в научном отношении миниатюр этой рукописи. При их изучении возникла необходимость проверить полученные при изучении рукописи наблюдения по аналогичным рукописям, хранящимся в Смирне и в Ватикане¹⁷. Результаты своего исследования Ф. И. Успенский издал в виде монографии под названием «Константинопольский Серальский кодекс Восьмикнижия» (250 стр.)¹⁸. За этот труд Русское Археологическое Общество присудило ему Большую золотую медаль.

Свое открытие Ф. И. Успенский стремился сделать достоянием международных научных кругов, и этот случай представился ему в 1905 году во время работы международного археологического съезда в Афинах (24 марта — 13 апреля). На этом съезде (где Ф. И. Успенский был избран членом ряда международных комиссий по изданию византийских памятников: *Corpus monumentorum byzantinorum* искусства; *Corpus Inscriptionum Graecarum Christianarum*) он сделал сообщение на тему: «Серальская библиотека и хранящаяся в ней иллюстрированная рукопись Октатевха». Кроме того, основываясь на результатах изучения Октатевха, Ф. И. Успенский составил реферат под названием: «Писатель Исаак Порфирородный, Севастократор» и послал этот доклад на международный съезд ориенталистов в Алжире, проводившийся в одно время с археологическим съездом в Афинах.

Завершая краткий обзор деятельности Института по выявлению и сохранению рукописного наследия Византии, можно упомянуть еще об одном исследовании Ф. И. Успенского. В серальской библиотеке он приступил к изучению рукописи, носящей имя Евфимия Зигавина, но не успел довести до конца эту работу, поскольку в 1914 году был вынужден покинуть Константинополь. Значительный материал по изучению этой рукописи остался в Константинополе и в настоящее время должен считаться безвозвратно погибшим. Впоследствии Ф. И. Успенский нашел в вывезенном им из Константинополя небольшом архиве серию фотоснимков, а именно — конец древней рукописи (с 266 по 281 лист), составляющий самостоятельное содержание в Псалтири, — отдел библейских песнопений, которому Ф. И. Успенский еще во время занятий с этой рукописью в Константинополе имел возможность уделить особое внимание. В своей статье под названием «Константинопольская Серальская рукописная псалтирь с толкованиями»¹⁹ Ф. И. Успенский сделал вывод о том, что хотя это сочинение и носит имя известного писателя XI века, но по палеографическим признакам рукопись можно датировать концом XI — началом XII в.

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА

Важной задачей Института являлась организация научных исследований как на территории бывшей Византийской империи, так и в тех регионах, где в прошлом существовали государства, входившие в сферу ее влияния. Под руководством Ф. И. Успенского и при его большей частью личном участии предпринимались научные экспедиции в Малую Азию, Болгарию, Сербию и Македонию, в Грецию и на Афон, Сирию и Палестину, производились археологические раскопки, результатом которых были открытия, имевшие огромное научное значение. Но вполне естественно, что на первых порах своего существования Институт уделял наибольшее внимание изучению христианских древностей Константинополя.

Константинополь. Уже в 1895 году Институт организовал три большие и несколько малых экспедиций в окрестности Константинополя. Но сотрудники Института, как и исследователи из других стран, в те годы сталкивались здесь с большими трудностями. В то время исследователи, работавшие в Константинополе, были лишены права производить археологические раскопки на его территории. Поэтому сотрудники Института на первых порах были вынуждены ограничиться изучением топографии сохранившихся здесь древних архитектурных памятников. По представлению русского посольства, Институту был выдан на имя директора открытый лист, дающий право производить научные исследования в Константинополе и его окрестностях²⁰.

В течение всего периода деятельности Института (1895—1914 гг.) его сотрудники регулярно представляли доклады о результатах своих исследований, проводившихся ими в Константинополе. Так, в 1895 году были сделаны доклады на такие темы, как: «О древнем университете в Константинополе» (Ф. И. Успенский); «О топографии Константинополя» (Г. П. Беглери) и др. Для исследования древних храмов Константинополя привлекались различные материалы. Так, сотрудник Института О. Ф. Вульф ис-

пользовал рукопись афонской Лавры св. Афанасия, в которой содержалось сочинение писателя X века Константина Родия о храме Святых Апостолов в Константинополе²¹. Находясь в свите императора Константина Порфирородного, этот писатель получил поручение составить поэтическое описание храма Святых Апостолов. Это сочинение, написанное между 931—944 гг., являлось наиболее полным описанием ныне не существующего храма Святых Апостолов; к сожалению, сочинение Константина Родия сохранилось не полностью; текст кончается на описании мозаик храма. Но тем не менее О. Ф. Вульф, проанализировав текст этого сочинения, сумел восстановить более полное, чем ранее, представление о знаменитом храме.

Сотрудники Института использовали любые благоприятные возможности для осуществления практического изучения Константинополя. Особое внимание было уделено мечети Кахриз-Джами (в прошлом являвшейся храмом монастыря Хоры). В 1899 году Институт получил разрешение турецкого правительства на изучение древних византийских мозаик и фресок (XI—XIV вв.), сохранившихся внутри здания мечети, и вскоре было начато их копирование и фотографирование, а также съемка плана древнего храма. Для осуществления этой работы был приглашен художник Н. К. Клуге, который постоянно оказывал Институту такого рода помощь²² (в 1902 г. Н. К. Клуге стал постоянным сотрудником Института).

Руководство Института постоянно информировало научную общественность Константинополя об изысканиях, проводившихся его сотрудниками. В том же 1899 году сотрудник Института Б. В. Фармаковский (ученый секретарь с 1898 по 1901 г.) прочел в мечети Кахриз-Джами лекцию о сохранившихся в ней византийских мозаиках. Что касается Н. К. Клуге, то он продолжал свою работу в Кахриз-Джами вплоть до 1903 года, очищая от наслоений мозаики и фрески мечети; в 1901 году он открыл в приделе мечети большую композицию «Страшный суд»²³. Внутри мечети были сфотографированы все мозаики, число которых составило около 70. При очистке мозаик на большой композиции Деисуса была открыта надпись; в барабане юго-восточного купола обнаружены неизвестные до тех пор фрески. Вблизи мечети Кахриз-Джами были обнаружены остатки древних построек, которые, по-видимому, составляли часть строений монастыря Хоры, для которого здание Кахриз-Джами являлось соборным храмом²⁴. Результаты исследований, проведенных в Кахриз-Джами, впоследствии были обобщены сотрудником Института Ф. И. Шмитом в его работе «Мозаики и фрески Кахриз-Джами»²⁵, а также в его монументальной монографии «Кахриз-Джами. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков»²⁶.

Директор Института Ф. И. Успенский, помимо напряженной исследовательской деятельности, находил время для популяризации исторических сведений о Константинополе. В течение Великого поста в 1896 году он провел цикл бесед (9) на археологические и исторические темы на канонерской лодке «Донец», базировавшейся в то время в бухте Золотой Рог. Среди тем, предложенных членам экипажа судна, можно отметить такие, как: «Политическое и церковное значение Цареграда. Основание города, его история и значение для России», «Св. Ольга и крещение Владимира», «Патриарх Фотий», «Просветительная деятельность свв. Кирилла и Мефодия». Осенью 1901 и весной 1902 гг. Ф. И. Успенский прочитал цикл лекций (17) по общему курсу истории Византии, на которые, помимо сотрудников Института, приглашались и слушатели, прибывшие по разным делам в Константинополь из России и других славянских стран.

Большое внимание Институт уделил исследованию Студийского монастыря в Константинополе (мечеть Ибрахор-Джами), которое было начато в 1906 году. Издревле русские паломники считали Студийский монастырь одной из величайших святынь Царьграда; в нем хранились мощи св. Иоанна Крестителя, там находилась гробница преп. Феодора Студита, который являлся для русских иноков идеалом исповедника веры, хранителя канонов и устроителя монашеского общежития.

Как известно, Студийский богослужебный устав лег в основу Афонского и Киево-Печерского уставов. В 1200 году один из русских паломников — Антоний Новгородец — поклонялся в Студийском монастыре мощам св. Иоанна Крестителя и был у гробницы преп. Феодора Студита. Но через четыре года Константинополь был разрушен во время IV крестового похода (1204 г.), и Студийский монастырь был восстановлен лишь в 1290 году. После падения Византийской империи (1453 г.) на престол вступил очередной султан Баязит I (1481 г.), и вскоре Студийская базилика была превращена в мечеть.

Работа сотрудников Института в мечети Ибрахор-Джами продолжалась с 1906 г. по 1909 г.; был снят план внешних частей базилики, уточнена топография Студийского монастыря²⁷; в 1908 году Н. К. Клуге обнаружил здесь остатки древней мозаики. В 1909 году благодаря неоднократным ходатайствам перед великим визирем Хильми-

пашой Институт получил разрешение на раскопки. До этого времени ни одному иностранному научному учреждению не удавалось получить разрешение на производство раскопок в Константинополе, не говоря уже о раскопках христианских древностей внутри мечети. Таким образом на долю Института выпал жребий положить начало раскопкам христианского Константинополя.

При раскопках, проведенных сотрудниками Института в восточной части правого нефа базилики, были обнаружены мраморные гробницы игуменов Студийского монастыря, а в гробницах — останки игуменов, облаченных в черные монашеские одеяния; среди них находились и останки преп. Феодора Студита²⁸. Был найден также склеп, в который складывались кости простых насельников обители; он был сооружен уже после того, как в начале XIII в. монастырский храм разграбили крестоносцы²⁹.

В конце июля 1912 года в Константинополе произошел пожар, который полностью уничтожил турецкие кварталы, расположенные к востоку от мечети Ахмедие. По некоторым данным, эти кварталы были расположены на месте Большого Дворца византийских императоров, постройка которого восходила уже ко времени императора Константина Великого (IV в.). Это событие было использовано сотрудниками Института, которые незамедлительно приступили к исследованию остатков Дворца, выявленных после пожара. В 1912—1913 гг. был составлен общий план дворцовых построек и произведено их фотографирование.

Исследования, проведенные сотрудниками Института в Константинополе, явились достойным вкладом в изучение истории Византии, но эти труды были лишь небольшой частью той работы, которая была осуществлена Институтом на территории бывшей Византии и, в первую очередь, в Малой Азии.

Малая Азия. В 1895 году Институт направил письма ко всем русским консулам, находившимся в различных городах Порты, с просьбой сообщать сведения о наиболее важных памятниках (монастырях, церквях, частных зданиях, собраниях древних книг, рукописей), находящихся в местностях, мало доступных для иностранных исследователей.

Вскоре в Институт поступили ценные в научном отношении сведения, которые предоставили Институту консул в Конии А. Д. Левницкий, вице-консул в Синопе Н. Г. Сухотин, вице-консул в Самсуне Н. А. Налетов и другие.

Аналогичная просьба была адресована и Константинопольскому патриархату; в 1896 году патриарх Анфим VII (1895—1897) обратился с окружным посланием ко всем епископам и настоятелям монастырей патриархата, предлагая им дать следующие сведения: 1) какие монастыри существуют в епархии, 2) какие из них закрыты или находятся в развалинах и нет ли о них устных преданий или актов и других архивных памятников. Вскоре Институт располагал уже ответами из епархий, снабженными либо указанием на архивные материалы, либо их копиями³⁰.

Располагая подобными данными, а также опираясь на свои собственные сведения, сотрудники Института приступили к организации научных экспедиций, первой из которых была осуществленная в 1895 году поездка по Анатолии — области, входившей в состав древней Трапезунтской империи. Члены экспедиции, возглавлявшейся Ф. И. Успенским, посетили древние города турецкого Черноморья — Трапезунт (турецк. Трабзон), Керасунт (Гиресун), Самсун и Синоп, бывшие свидетелями многих исторических событий, сохранившие древние архитектурные памятники, которые были еще мало исследованы западными учеными.

По возвращении из поездки Ф. И. Успенский сделал сообщение на тему: «О новых материалах для истории Трапезунта». По его сведениям, в Трапезунте сохранилось до 20 христианских церквей XIII и XIV вв., из которых только самые большие были обращены в мечети, а малые либо были закрыты, либо оставались во владении греческого духовенства. Некоторые из этих памятников находились в достаточной степени сохранности и могли быть объектом для изучения.

В Трапезунте члены экспедиции встретили следы тесных связей этого города с Россией; это были иконы, кресты и складни со славянскими надписями, богослужебные книги и оклады на книгах, изготовленные в России; все это могло быть привезено сюда в позднейшее время, но и в древней русской истории есть указания на то, что Русь имела связь с анатолийскими берегами, и так как Трапезунтская империя некоторое время владела северными черноморскими берегами, то представлялся актуальным вопрос о более внимательном изучении памятников древности, сохранившихся в Трапезунте³¹. Следует отметить, что впоследствии, в 1916—1917 гг., Ф. И. Успенский еще раз смог побывать в Трапезунте, тем самым продолжив исследования, которые Институт осуществил в этом городе в первый год своей деятельности под его руководством.

Участники научной экспедиции 1895 г. обследовали и окрестности Трапезунта, где имелись пещерные храмы с остатками древней живописи не позднее XIV в.; в окрестностях Трапезунта были осмотрены древние монастыри Сумела, Перистеря и Васелон. В Трапезунте и его окрестностях сотрудники Института выявили до 300 древних рукописей, из них около 60 — в Васелоне, где они находились в сыром помещении под угрозой гибели. Было составлено краткое описание некоторых из этих рукописей³².

Весной 1896 г. была осуществлена экспедиция в область древней Вифинии со знаменитыми в истории христианской Церкви городами Никомидией (турецк. Измит), Никеей (турецк. Изник) и Бруссой (турецк. Бурса). В Никомидии подвизались такие мученики, как св. Пантеленон, часть мощей которого сохранялась в Никомидии в монастыре, названном в его честь; с Никомидией связаны имена святых мучеников Адриана и Наталии. Сотрудники Института и в дальнейшем посещали Никомидию (октябрь 1896 г., март 1897 г.) для пополнения и проверки собранного научного материала. Результаты изысканий были опубликованы на страницах «Известий РАИК»³³.

В Никее, которая в 1206—1261 гг. была столицей Никейской империи, сотрудники Института большое внимание уделили храму Успения Божией Матери, знаменитому своими мозаиками. Все мозаики, насколько позволяли местные условия, были сфотографированы³⁴. Весной 1898 года здесь снова побывала экспедиция Института, главной задачей которой был сбор материалов о времени происхождения церкви Успения. И в дальнейшем в Институте не ослабевал интерес к никейским древностям. В 1906 г. Р. Х. Лепер (ученый секретарь Института с 1901 по 1908 г.) посетил Никее, а также и Бруссу для ознакомления с античными и византийскими памятниками этих городов³⁵. Исследования в никейском храме Успения Богородицы были продолжены летом 1912 г. Ф. И. Шмитом (ученый секретарь Института с 1908 по 1912 г.) при участии художника Н. К. Клуге. Во время работ здесь были обнаружены мозаичные изображения Богородицы с Младенцем и Спасителя; эти мозаики были сфотографированы³⁶.

Продолжая обзор, следует упомянуть и о других регионах Малой Азии, где потрудились сотрудники Института. Так, в 1897 г. была осуществлена экспедиция в местность Ахат-кей (древняя Акмония); в том же году О. Ф. Вульф изучал рукописные памятники в библиотеке евангельской школы в Смирне (турецк. Измир); были исследованы христианские древности в древней Ираклии (Перинф) на берегу Мраморного моря.

В 1899 г. Б. В. Фармаковский исследовал древние памятники, находящиеся в окрестностях древней Листры, к юго-западу от Кони. Следует отметить, что ранее эту местность обозревал П. Д. Погодин по указанию русского консула в Конии, сотрудника Института А. Д. Левитского, который обнаружил ряд древних памятников недалеко от турецкой деревни Килистры. Близ Килистры Б. В. Фармаковский обследовал также пещерные жилища³⁷.

В течение лета 1902 г. Р. Х. Лепером было проведено археологическое исследование части малоазийского берега, противоположащего Принцевым островам, причем в одной из местностей был обнаружен ряд стен, свидетельствующий о том, что они ограждали большой монастырь. По некоторым данным можно было сделать вывод о том, что это был монастырь Архангела Михаила, основанный еще при патриархе Игнатии в IX веке. В том же 1902 г. Ф. И. Успенский провел археологические исследования в Ефесе, Милете, Магнезии и других городах Малой Азии³⁸.

В 1904 г. Р. Х. Лепер обследовал окрестности города Самсуна, близ которого находились остатки греческого города Амиса (соврем. Кара-Самсун). Он намечил план будущих раскопок погребений V—IV веков до Р. Х., исследование которых могло бы дать сведения об истории связей Амиса с Пантикапеей (соврем. Керчь). Он побывал также в малоазийских городах Инеболи, Синопе и Керасунте³⁹. В 1905 году Р. Х. Лепер продолжил свои исследования и посетил города Силврию и Эрегли (древний Перинф, римская Гераклея), лежащие на северном берегу Мраморного моря. Он обследовал древние храмы с находящимися там фрагментами древней живописи.

Как уже было отмечено, Ф. И. Успенский уделял большое внимание изучению древностей Трапезунта и побывал там в первый раз в 1895 году. В последующие годы у него не было возможности еще раз посетить этот древний город, а с началом первой мировой войны, казалось бы, последние шансы на это были утрачены. Но вот, когда в 1916 году Трабзон был занят русскими войсками, Ф. И. Успенский, несмотря на то, что ему было более 70 лет, отправился туда для исследования и спасения трапезунтских древностей, не щадя сил, иногда путешествуя верхом на лошади по горным тропинкам. В состав трапезунтской экспедиции входили также два бывших сотрудни-

ка Института: Ф. И. Шмит и Н. К. Клуге. В Трабзоне участники экспедиции выявили исторические и художественные ценности трех древних церквей — св. Софии, Богородицы Златоглавой и св. великомученика Евгения, — превращенных турками в мечети; также были приняты меры к приостановке расхищения утвари мечетей, что имело место в условиях военного времени⁴⁰.

В церкви св. Софии (мечеть Айя-Софии) была очищена от штукатурки значительная часть фресковой живописи, как в алтаре, так и на стенах храма. Но особого упоминания заслуживает храм Богородицы Златоглавой (мечеть Орта-Хиссар), построенный или, точнее, перестроенный в середине XIV в. Это была «великая церковь» Трапезунта, служившая как кафедральным храмом митрополитов, так и местом коронации и погребения членов императорской фамилии.

В этом храме члены экспедиции провели раскопки и обнаружили усыпальницу трапезунтского царя Алексея IV, умершего насильственной смертью в 1446 году. Аналогичным образом в храме св. Евгения (мечеть Ели-Джума) были обнаружены останки этого мученика. «Последним моим распоряжением перед оставлением Трапезунта, — вспоминал Ф. И. Успенский, — была передача доверенным от (греческого. — Авт.) митрополита лицам, под расписку их, костей императора Алексея IV, найденных в усыпальнице, а равно костей покровителя Трапезунта св. Евгения и его сподвижников, как об этом можно заключить по месту находки»⁴¹.

Ф. И. Успенский предполагал продолжить исследования в Трапезунте летом следующего, 1917 года. Поэтому по его указанию в храм Богородицы Златоглавой были снесены найденные в других храмах, мечетях и частных домах книги, рукописи и наиболее ценные предметы церковной утвари, чтобы спасти их от расхищений. В результате этой работы было спасено от уничтожения более 400 восточных рукописей⁴². Кроме того, члены экспедиции, желая спасти от уничтожения, вывезли из Трапезунта 12 громадных восточных фолиантов; это были рукописи Корана, написанные в XVIII — середине XIX в. и представлявшие интерес как образцы мусульманской каллиграфии⁴³.

Но этим не ограничились усилия Ф. И. Успенского и его сотрудников по спасению древних рукописных памятников. Сразу же после прекращения военных действий в окрестностях Трабзона Ф. И. Успенский посетил монастыри Сумела, Перистера, а также Васелонскую обитель, где ему посчастливилось обнаружить древние акты — купчие, завешания, пожертвования и другие дарственные грамоты XIII—XV вв. Ф. И. Успенский сумел снять копии с наиболее интересных в научном отношении актов Васелонского монастыря, являвшихся важным источником по истории Трапезунтской империи. Впоследствии, в 1927 г. Ф. И. Успенский совместно с В. Н. Бенешевичем осуществил публикацию этих актов⁴⁴. Издание актов Васелонского монастыря близ Трапезунта оказалось своевременным, поскольку подлинники васелонские акты погибли при пожаре этого монастыря, разрушенного во время первой мировой войны.

В течение 1917 года Трабзон по-прежнему находился под управлением русской военной администрации, что позволило Ф. И. Успенскому организовать еще одну экспедицию с гораздо большим числом участников. В состав экспедиции, прибывшей сюда летом 1917 года, помимо Ф. И. Успенского, входили: профессор Лазаревского института восточных языков А. Е. Крымский и его помощник П. Н. Лозеев, проф. МДА Н. Д. Протасов, член Академии наук Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов, а также художники Г. К. Мейер и Н. К. Клуге⁴⁵.

При осуществлении своих исследований члены экспедиции испытывали многочисленные трудности: часть археологических памятников Трапезунта подверглась разрушению; в некоторых из них были устроены лазареты и воинские казармы. Это усугублялось напряженными отношениями, которые существовали между местными православными греками и турками-мусульманами, превратно истолковывавшими действия русской военной администрации, помогавшей осуществлению научных работ.

Афон. Святая Гора и ее книгохранилища постоянно привлекали внимание сотрудников Института, поскольку именно там могли быть обнаружены документы, относящиеся к истории Византии и ее связей с Россией. В 1895 году небольшая экспедиция Института выехала на Афон для изучения рукописного наследия Святой Горы; в состав экспедиции входили Ф. И. Успенский, а также сотрудники Института О. Ф. Вульф, Б. А. Панченко; кроме того, к ней присоединился в качестве проводника и помощника насельник русского Свято-Пантелеимоновского монастыря о. Гавриил. Изучение рукописных памятников продолжалось 6 недель, при этом были осмотрены книгохранилища двенадцати афонских обителей. В монастыре св. Дионисия участники экспедиции скопировали ценные сведения, относящиеся к истории Трапе-

зунта (кодекс № 154). Этот материал содержал важные данные как для истории Трапезунта, так и для изучения связей Трапезунтской империи с русским Черноморьем⁴⁶.

В том же монастыре св. Дионисия Ф. И. Успенский обнаружил рукопись (кодекс № 120), содержащую материалы о постановке богословского образования в Константинополе в XI в.⁴⁷ В Лавре св. Афанасия из рукописи, содержащей житие Марии Новой (кодекс № 81), были почерпнуты важные данные по истории болгаро-византийских отношений при царе Симеоне (888—927)⁴⁸. Члены экспедиции сделали на Афоне около 200 фотографий, причем основное внимание было уделено трем афонским храмам — в Карее, в Ватопеде и в Дионисиате, так как они представляли три главных типа афонской церковной архитектуры различных эпох⁴⁹.

С первых же месяцев своей деятельности Институт осуществлял в отношении Афона и международное сотрудничество. Так, например, в 1895 году Институт оказал содействие профессору Афинского университета Спиридону Ламбросу во время его занятий на Афоне, сделав по его просьбе копию с рукописи в одном афонском монастыре, а также дал ему рекомендательное письмо к настоятелю русского Свято-Пантелеимоновского монастыря для оказания помощи в его исследованиях⁵⁰. В это же время возникла идея о сотрудничестве с Французской Школой в Афинах для работы и издания афонских рукописных памятников, и в 1896 году был составлен проект будущей совместной деятельности⁵¹.

Как известно, проф. Спиридон Ламброс в 1895 году издал каталог греческих рукописей большинства афонских обителей, но не смог исследовать рукописи таких монастырей, как Ватопед и Лавра св. Афанасия. Этот пробел был частично восполнен сотрудником Института Ф. И. Шмитом, который в августе 1902 года был командирован на Афон и составил там описание 261 рукописи Ватопеда с «чисто практическими агнографическими целями»⁵². Кроме того, на Афоне Ф. И. Шмит сделал копии двух документов, относящихся к истории константинопольского монастыря Хоры. Другой сотрудник Института — Б. А. Панченко широко использовал акты афонских монастырей при написании своей работы на тему «Крестьянская собственность Византии. Земледельческий закон и монастырские документы»⁵³. Он, в частности, основывался на содержании актов Пантелеимоновского, Ватопедского, Зографского, Филофеевского, Эсфигменского, Иверского, Дохиарского, Свято-Павловского и Хиландарского монастырей. В 1904 году Б. А. Панченко представил свой труд в С.-Петербургский университет и после успешной защиты был утвержден в звании магистра всеобщей истории.

Тесные научные связи с Институтом поддерживал известный отечественный исследователь Х. М. Лопарев, побывавший на Афоне в 1896 г. На основании некоторых рукописей монастыря св. Дионисия (№ 228 по каталогу С. Ламброса, 1421 г.) он издал житие св. Евдокима⁵⁴. Другим русским исследователем, получившим материальную помощь Института при поездке на Афон, был Г. А. Ильинский. Побывав на Афоне в июне 1907 года, он усердно трудился в Зографском монастыре и составил описание 184 русских, болгарских и сербских рукописей книгохранилища этой обители, относящихся к XIII—XVII вв.⁵⁵ В том же 1907 году для занятий в Институте от министерства народного просвещения был командирован Д. П. Шестаков, который уже имел опыт работы в афонских книгохранилищах⁵⁶. В Институте Д. П. Шестаков занимался исследованием греческих житий святых как памятников народной литературы; результаты своих исследований он намеревался представить к защите в качестве магистерской диссертации на тему «Исследования в области греческих народных сказаний о святых».

Сотрудники Института посещали Святую Гору и в дальнейшем, причем их исследования касались теперь уже некоторых частных вопросов. Так, в 1905 году Н. К. Клуге совершил поездку на Афон для фотографирования миниатюр знаменитой Ватопедской Библии⁵⁷, а в 1906 году на Афоне снова побывал Ф. И. Успенский, который изучал здесь некоторые рукописи, которые были либо тождественны по содержанию с так называемым «Серальским Восьмикнижием» (см. выше), либо представляли сходство с ним в миниатюрах⁵⁸.

Научная деятельность Института была по достоинству оценена афонскими насельниками, которые выражали свою признательность, посылая в его адрес различные пожертвования. Так, в 1901 году афонский настоятель греческой келии иеромонах Серафим пожертвовал Институту две нотных рукописи и рукописный сборник аскетических произведений; в том же году библиотека Института пополнилась вывезенной с Афона славянской Минеей (рукопись XIII—XIV вв.), славянским Евангелием сербской редакции (XIII в.)⁵⁹; в 1905 году иеромонах Петр, настоятель русской келии св. Николая Чудотворца на Афоне, передал в дар Институту пергаменную руко-

пись XIII в., содержащую Постную Триодь⁶⁰. Институт получал также материальную помощь от афонского Андреевского скита (1899 г.), русской келии св. Иоанна Златоуста (1899 г.) и др.

В свою очередь, сотрудники Института консультировали русских насельников на Афоне в их отношениях с греческой администрацией; в частности, в 1901 году они скопировали и перевели одну из грамот Лавры св. Афанасия о правах русской келии на Афоне. Сотрудники Института с удовлетворением наблюдали и за той научной деятельностью, которая проводилась в афонских обителях некоторыми из насельников. Наиболее активные ученые святогорцы поддерживали постоянные связи с Институтом; так, например, на 1900 год членами-сотрудниками Института являлись библиотекарь Свято-Пантелеимоновского монастыря о. Матфей, а также архимандрит Иаков (монастырь св. Дионисия), о. Иасон (Ватопедский монастырь) и о. Александр (Лавра св. Афанасия). В 1909 г. почетным членом Института был избран проф. Афинского университета С. Ламброс, имеющий международную известность благодаря своим исследованиям на Афоне.

Греция. В 1895 году сотрудники Института Я. И. Смирнов, Е. М. Придик и М. И. Ростовцев совершили научную поездку в Афины для знакомства с состоянием раскопок, которые велись Французской Школой и Немецким археологическим Институтом. Они осмотрели раскопки французских археологов в Дельфах, имели плодотворные встречи с сотрудниками Немецкого археологического Института. Члены экспедиции совершили самостоятельные поездки в Дафни, Элевсин, Филе и другие окрестности Афин. Был осмотрен также монастырь св. Луки, отстоящий на день пути от Дельф; часть его древних мозаик была сфотографирована⁶¹.

В августе того же года Е. М. Придик посетил Фессалию, где изучал надгробные надписи на христианских, турецких и еврейских кладбищах⁶². Аналогичную работу провела экспедиция Института, работавшая в Македонии летом и осенью 1898 года; в состав экспедиции входили сотрудники Института Ф. И. Успенский, М. И. Ростовцев, а также бывший профессор Высшей школы в Софии П. Н. Милоков и русский консул в Битоли А. А. Ростовский. Экспедиция обследовала археологические памятники Салоник и окрестностей, а также ряд других городов Македонии. Был собран богатый материал, имеющий отношение не только к античной эпиграфике, но также к греческому и славянскому литературному наследию. В ряде сел и монастырей было выявлено и изучено несколько десятков греческих и славянских рукописей⁶³. По прибытию в Константинополь Ф. И. Успенский сделал в Институте специальное сообщение на тему «О памятниках славянских древностей в Македонии».

Особое место в исследованиях Института в Греции принадлежало Салоникам (Фессалоникам, Солунь). В 1895 году сотрудник Института Я. И. Смирнов совершил научную поездку в этот город, воспользовавшись содействием генерального консула в Салониках Илларионова и консула в Янине Н. А. Скрябина⁶⁴. В 1903 году другой сотрудник Института — Ф. И. Шмит посетил Салоники и изучал там византийские архитектурные памятники⁶⁵. Его внимание в первую очередь привлекла древняя базилика св. Димитрия Солунского (в те годы — мечеть Касимие-джами), ее постройка относится к V веку, в VI—VII вв. она была частично перестроена после пожара.

Осенью 1907 года в мечети Касимие-джами местными турками были предприняты некоторые переделки, причем в различных местах были обнаружены остатки древней мозаики и живописи, находившиеся под толстым слоем штукатурки. Узнав об этом, Ф. И. Успенский зимой 1908 г. приехал в Салоники, но ремонт мечети был уже почти закончен. Поэтому ему пришлось ограничиться исследованием тех частей храма, которые еще можно было очистить от слоя штукатурки. Ф. И. Успенский получил согласие на раскрытие мозаик у местных мусульманских властей и приступил к работе; ему помогал Н. К. Клуге. В результате кропотливой работы были обнаружены мозаики VII—VIII вв., а также фрагменты фресковой живописи XIV в.⁶⁶

Научная ценность обнаруженных мозаик и фресок показала огромное значение этого материала не только для истории церкви св. Димитрия, но вообще для истории христианского искусства. Но, к сожалению, ремонт мечети заканчивался, и на глазах у Ф. И. Успенского фрески, на которых были изображены сцены из жития св. Димитрия, были вновь заштукатурены. К счастью, Ф. И. Успенский успел частично описать их и прочесть имевшиеся под ними надписи, а Н. К. Клуге сделал фотографии и цветные копии мозаик. В апреле 1909 г. Ф. И. Успенский принял участие в работе II международного съезда классической археологии в Каире и сделал там сообщение о новооткрытых мозаиках в храме св. Димитрия в Салониках⁶⁷. Впоследствии, в августе 1910 г., Ф. И. Шмит еще раз посетил Салоники для ознакомления с мозаика-

ми, открытыми за последние годы в этом городе в трех храмах: церкви св. Димитрия Солунского (мечеть Касими-джами), в св. Софии и в церкви св. Параскевы (мечеть Эски-Джума).

Следует сказать несколько слов о тех исследованиях, которые были проведены Институтом на островах Средиземноморья. В 1895 г. Я. И. Смирнов обогатил Институт целым рядом интересных древностей, приобретенных им во время поездки по Кипру. Несколько лет спустя, в 1907 г., на Кипре работал художник Н. К. Клуге, который занимался там исследованием древних мозаик (середина VII в.) храма Панагии Ангелоктистос (Ангелозданной) в местечке Кити близ Ларнаки⁶⁸.

В 1897 г. О. Ф. Вульф совершил поездку на остров Хиос, где изучал храм монастыря Неа Мони в горах близ г. Кастро. Он сфотографировал древние мозаики, датированные им правлением Константина Мономаха (1042—1055 гг.) Эти исследования на Хиосе были продолжены в 1910 г. Ф. И. Шмитом и Н. К. Клуге; они расчистили и сфотографировали сохранившиеся мозаики; с двух самых ценных из них были сделаны цветные копии⁶⁹. И, наконец, следует упомянуть о том, что в сентябре 1903 г. Ф. И. Успенский посетил остров Крит и по возвращении в Константинополь на заседании Института прочел доклад на тему: «О вновь открытых на о. Крите археологических памятниках»; это же сообщение он сделал затем и на заседании Американского литературного Общества⁷⁰.

Болгария. Научные интересы Института были связаны не только с историей Византии но и широко охватывали также судьбы славянских народов. Не удивительно, что Институт с первых же лет своей деятельности стал уделять большое внимание сопредельным с Турцией славянским странам. Еще в 1896 г. Ф. И. Успенский и П. Д. Погодин (ученый секретарь Института с 1895 по 1898 г.) предприняли первую поездку в Болгарию для изучения рукописных собраний в ее библиотеках, а также для ознакомления с монументальными памятниками Западной Болгарии.

В болгарской столице Ф. И. Успенский исследовал развалины храма св. Софии, в окрестностях столицы он осмотрел знаменитую Боянскую церковь (XIII в.); по просьбе Ф. И. Успенского военным инженером капитаном Атанасовым для Института был сделан план Боянской церкви. В ходе работы было произведено изучение храма в деревне Драгалевцы (XV в.), а в Рыльском монастыре — башни кесаря Хреля. В Тырнове Ф. И. Успенскому удалось ознакомиться с рядом собранных в окрестностях города эпиграфических памятников, которые были предназначены к отправке в Софийский музей. Большая часть этих материалов происходила из Никюба (древнего Никополя на Дунае). В самом Тырнове была обследована церковь 40 мучеников (XIII в.), где была обнаружена надпись, относящаяся к эпохе правления Асены, а также церковь Петра и Павла (XII—XIII в.)⁷¹.

Что касается П. Д. Погодина, то ему удалось посетить древние пещерные храмы, один из которых находился на горе Липи, в часе пути от Вратца по направлению к Берковцу. По рассказам местных жителей, в этой громадной пещере, около 40 метров высотой, 30 шириной и 20 глубиной, собирались монахи на богослужение. Один русский монах, выходец с Афона, поселился в этой пещере и жил там на средства от продажи икон собственного изготовления. На стенах пещеры сохранился ряд фресок, попорченных от действия времени и турецких пуль (XVIII в.)⁷². П. Д. Погодин обследовал также две другие пещерные церкви, находившиеся в горах на расстоянии дня пути от Вратцы, около селения Купина и деревни Карлуково. Кроме того, он некоторое время провел в Габрово и Филиппополе (Пловдив), где собирал эпиграфические материалы.

По возвращении из Болгарии Ф. И. Успенский принял участие в работе археологического съезда в Риге (август 1896 г.), где сделал сообщение о дальнейших задачах по археологическому изучению Болгарии, а также, на основании данных П. Д. Погодина, прочел реферат на тему «О древностях северной Болгарии»⁷³.

Важное открытие, имевшее прямое отношение к истории Болгарии, было сделано Ф. И. Успенским в 1898 г. во время его пребывания в Салониках. Еще в 1895 г., когда Ф. И. Успенский занимался исследованиями на Афоне, библиотекарь русского Свято-Пантелеимоновского монастыря о. Матфей сообщил ему сведения о существовании близ Салоник, в селении Нарыш-Кей, лежащей на земле колонны с греческой надписью. Во время археологической экспедиции в Македонию, предпринятой летом 1898 г., Ф. И. Успенский воспользовался кратковременным пребыванием в Салониках для изучения текста надписи. (К этому времени по распоряжению турецких властей колонна уже была перевезена в Салоники, а затем ее собирались отправить в Константинополь.) В данном случае заслугой Ф. И. Успенского и находившегося в составе македонской экспедиции проф. П. Н. Милюкова было определение и уточнение

первоначального местонахождения колонны, поскольку она представляла собой пограничный знак между болгарскими и греческими владениями в X веке.

По словам Ф. И. Успенского, «если колонна найдена на том месте, где она действительно была поставлена, то это бы значило, что граница между Болгарией и Византией в самом начале X века проходила в 20-верстном расстоянии от Солуни. Правда, это далеко не новый факт, ибо известно, что болгарская держава при Симеоне простиралась от устья Дуная к Месемврию, а оттуда к Родопским горам, что Македония, за исключением береговой полосы, принадлежала к Симеоновой державе. Надпись посредством акта, написанного на камне и выставленного на пограничной черте греко-болгарских владений, закрепляет известный исторический факт»⁷⁴. По возвращении из экспедиции Ф. И. Успенский сделал в 1897 г. на заседании Института сообщение на тему: «О границах Византии и Болгарии при Симеоне», позднее он прочел этот доклад и в императорском Археологическом Обществе⁷⁵.

Раскопки в Абобе (Плиски), проведенные сотрудниками Института в 1899—1900 гг., являют собой пример плодотворного сотрудничества болгарских и русских ученых. Большую роль в удачном выборе места для археологических исследований сыграл Карл Шкорпил — преподаватель гимназии в Варне, который предложил провести раскопки земляных и каменных укреплений близ селения Абоба, полагая, что именно в этой местности в VIII—IX вв. находился центр болгарской политической жизни. В состав экспедиции, начавшей свою работу в 1899 году, входили: Ф. И. Успенский, К. Шкорпил, а также приват-доцент Новороссийского университета М. Д. Понуженко и профессор Высшей школы в Софии В. Н. Златарский. Для проведения раскопок были наняты 20 рабочих, впоследствии их число пришлось увеличить до 35 человек.

Результаты раскопок были многообещающими: ведь они проводились в той части страны, где было первоначальное расселение болгар после их перехода через Дунай в VII в. И действительно, в результате напряженной работы были открыты следы древнейшей болгарской столицы — Плиски, служившей политическим центром страны с конца VII века по 893 год. В ходе раскопок члены экспедиции обнаружили надписи древнеримской эпохи, собрали материалы для изучения староболгарской (дохристианской) эпохи (большое количество надписей на греческом языке, остатки городищ и древних памятников), а также материалы, относящиеся к христианской эпохе Болгарии (славянские и византийские надписи, росписи церквей и остатки архитектурных памятников).

Помимо обширного эпиграфического материала, собранного в ходе раскопок близ Абобы, члены экспедиции обнаружили остатки ханского (княжеского) дворца, расположенной близ него церкви и других зданий, и, наконец, каменные стены внутри дворца с башнями и воротами⁷⁶. По мнению Ф. И. Успенского, храм, остатки которого были найдены при раскопках, «может быть первой христианской церковью в Болгарии, современной обращению страны в христианство»⁷⁷.

В перерывах между двумя полевыми сезонами, а также по окончании работ участники экспедиции занимались обработкой археологических материалов; в декабре 1899 г. Ф. И. Успенский на заседании Института прочел доклад под названием «О древностях в долине Абобы (Болгария)»; в 1901 г. К. Шкорпил трудился в Институте над обработкой результатов раскопок; к анализу полученных данных были привлечены также Р. Х. Лепер, Б. А. Панченко, Д. В. Айналов. Этот огромный труд завершился изданием обширного сборника (около 600 с.) под названием «Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиски»⁷⁸.

Следует отметить, что открытие древней столицы Болгарии — Плиски явилось действенным стимулом для развития болгарской исторической науки, что и предвидел Ф. И. Успенский, высказывая следующее пожелание в предисловии к изданному сборнику: «Интересы славянской археологии настоятельно потребуют дальнейших исследований на месте древнего расположения болгарского улуса, но это сподручнее делать самим болгарским ученым. Следует пожелать, чтобы недавно организованное в Софии Археологическое общество приняло в свое ведение это в высшей степени важное археологическое и вместе с тем национальное болгарское дело»⁷⁹. Это пожелание Ф. И. Успенского вскоре начало осуществляться, а через несколько лет болгарские исследователи и сотрудники Института получили очередную возможность внести совместный вклад в изучение древнеболгарской истории.

Как бы продолжением и дополнением раскопок Абобы (Плиски) были раскопки, произведенные Институтом в 1905 г. в другой (второй) древнеболгарской столице — Преславе (893—971 гг.). В это же самое время под руководством члена Археологического общества в Шумле преподавателя Г. Р. Попова производились раскопки близ селения Чалатар. Члены экспедиции Института бывали у Г. Р. Попова с кратким

визитом, и в это время К. Шкорпил обратил внимание Ф. И. Успенского на то обстоятельство, что близ Чалатара находится не исследованный еще археологический памятник — выступающий из земли край каменной плиты. Сотрудники Института попросили Г. Р. Попова откопать этот камень из земли и, если при этом на камне будет обнаружена надпись, послать на имя Ф. И. Успенского телеграмму в Варну. Через два дня Г. Р. Попов телеграфировал, что выкопаны два обломка с надписью, и Ф. И. Успенский снова вернулся в Чалатар. Незамедлительно приступив к анализу находки, он смог сделать важные выводы по поводу времени перенесения столицы болгарского царства из Плиски в Преслав⁸⁰. Предположение о тождественности культуры Абобы (Плиски) и Преслава подтвердилось раскопками, проведенными сотрудниками Института в Преславе осенью 1905 года. В результате этих работ была выявлена система укреплений Преслава, оказавшаяся очень сходной с системой укреплений Плиски.

Наряду с археологическими исследованиями сотрудники Института проводили в Болгарии большую работу по выявлению и изучению древних рукописей. Ф. И. Успенский, будучи в Болгарии в 1896 г., посетил Софийскую национальную библиотеку, где просмотрел около 300 рукописей, среди них он особо выделил рукопись XIV века — Синодик царя Бориса, о котором в русской научной литературе впервые было упомянуто в 1855 году, но который еще не подвергался изучению. По просьбе Ф. И. Успенского для Института было сфотографировано 83 страницы этой рукописи, и его сотрудники приступили к подготовке текста рукописи и изданию в «Известиях РАИК»⁸¹.

Синодик царя Бориса содержит чинопоследования патриарших обрядов: чин поставления кесаря, чин умовения ног и, наконец, греческие выписки из постановлений Синодов. Рукопись Синодика известна в двух списках: один из них (XIV в.) с 1879 г. хранился в Софийской национальной библиотеке, а другой (XVI в.) — в частном собрании слависта профессора М. С. Дринова. Публикация Синодика в «Известиях РАИК» была осуществлена по софийскому списку, причем в издание для полноты были введены и некоторые фрагменты из списка проф. М. С. Дринова. Синодик царя Бориса — это важный источник для изучения как внутренней жизни Болгарии, так и деятельности патриарха Евфимия (XIV в.).

Ф. И. Успенский продолжил свою работу, посетив книгохранилище Рыльского монастыря, где исследовал около 100 рукописей; некоторые из них также содержали материалы по болгарской истории, среди прочих он отметил две рукописи (№ 61, 1479 г. и № 62, 1483 г.), содержащие творения патриарха Евфимия Тырновского. Ф. И. Успенский обнаружил здесь также и текст договора 1466 г., из содержания которого следовало, что Рыльская обитель и русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне в XV веке находились в очень тесных отношениях. В Филиппополе (Пловдиве) Ф. И. Успенский просмотрел около 75 богослужебных книг, а также ознакомился с небольшой библиотекой Болгарского ученого Дружества. В Болгарии Ф. И. Успенский сумел осмотреть и ряд других книгохранилищ, как монастырских, так и частных, среди прочих он посетил библиотеку Бачковского монастыря, в которой хранилось около ста греческих рукописей, большей частью церковного содержания.

В том же 1896 году П. Д. Погодин, будучи в Болгарии, посетил местечко Вратца, где встретил местного старожилу Феодораки Дмитриева, собирателя болгарской старины, обогатившего своими коллекциями Софийский музей. С помощью Феодораки П. Д. Погодин ознакомился с рукописью XVIII в., где большое место уделено русской истории, особенно в повествовании о Лжедмитрии, причем приводился целый ряд его указов и грамот. К сожалению, большой объем рукописи и краткость времени, которое она находилась в руках у П. Д. Погодина, помешали ему привести об этой рукописи более точные сведения⁸².

Заканчивая данный раздел, можно отметить, что между Институтом и болгарскими научными учреждениями существовало тесное сотрудничество. Так, в 1896 г. Софийский музей передал в дар Институту серию фотографий с некоторых памятников (бронзовых и терракотовых статуэток), находившихся в его коллекции; с 1897 г. Институт поддерживал обмен научными изданиями с Болгарским министерством народного просвещения (София), с 1898 г. — с редакцией журнала «Български Преглед»; с 1903 г. — с редакцией журнала «Българска Сборка». Институт получал книжные пожертвования от Болгарской Экзархии и Высшего училища в Софии.

На страницах «Известий РАИК» периодически появлялись статьи, посвященные истории Болгарии⁸³, а сам журнал с 1898 по 1912 г. (тт. III—XVI) печатался в Софии. Та исследовательская работа, которая осуществлялась Институтом в Болгарии, привела к тому, что среди некоторых славянских ученых возникла мысль связать свою работу с его деятельностью. С 1911 г. при Институте действовало славянское отделение, в задачу которого входило изучение древностей Балканского полуострова. И не

случайно, что в том же 1911 г. на страницах «Известий РАИК» была высказана мысль о необходимости дальнейшей «балканизации» исследований, проводившихся Институтом⁸⁴. Но с 1913 г., в связи с военными действиями на Балканах, Институт начал испытывать затруднения в области болгарских изучений, превратившись в связи с Софией, где осуществлялось печатание трудов Института. С этого времени и вплоть до прекращения деятельности Института его сотрудники занимались в Константинополе обработкой материалов, полученных ими ранее, в ходе экспедиционных работ.

Палестина. Несмотря на то, что ко времени образования Института палестиноведение в России успешно развивалось под эгидой Православного Палестинского Общества, руководство Института не могло не включить эту задачу в свою тематику, поскольку в свое время Палестина входила в состав Византийской империи, а также в силу того значения, какое Палестина имела для духовной жизни русского народа. В связи с этим осенью 1896 г. в Палестину отправилась экспедиция во главе с Ф. И. Успенским, причем одновременно были налажены отношения с местными археологами на Кипре и в Сирии⁸⁵.

Свою деятельность в Палестине сотрудники Института осуществляли при содействии и помощи генерального консула в Иерусалиме С. В. Арсеньева, который еще в 1895 г. направил Ф. И. Успенскому в Константинополь свой обзор о состоянии археологических изысканий в Палестине⁸⁶. В Иерусалиме члены экспедиции ознакомились с археологическими раскопками, проводившимися там их коллегами — представителями Православного Палестинского Общества, но основное внимание они уделяли изучению древних рукописей. В Иерусалимской патриаршей библиотеке были сфотографированы несколько рукописей с миниатюрами, а также сделаны выписки, содержащие сведения по истории Трапезунта.

Важные сведения, касающиеся истории связей Русской и Иерусалимской Православных Церквей, сотрудники Института почерпнули при работе в ризнице Гроба Господня. Еще в 1895 году временный заместитель С. В. Арсеньева в Иерусалиме — А. Г. Яковлев сообщил Институту, что в патриаршей ризнице хранится Евангелие, принесенное в дар св. Гробу Борисом Годуновым, в переплете, украшенном драгоценными камнями⁸⁷. Поэтому при посещении ризницы участники экспедиции уделили этому дару из России большое внимание. Это было Евангелие в серебряном окладе и с надписью на греческом и русском языках на внешней доске оклада: «Положил в святую церковь пресветлого и тридневного Воскресения великого Господа Бога и Spаса нашего Иисуса Христа на святой престол над Божественным Его Гробом, иже есть во Святом граде, многогрешный Борис, сын Федора». Надпись на греческом языке гласила: «Величайший правитель всей Российской земли изготовил сию златокованную книгу и пожертвовал ее святому Гробу Христа Царя и Царя царей всей земли: Борис имя этому царю. Нижайший из всех нереев Феофан принял из рук его, а бразды правления божественной Иерусалимской Церкви держал в то время Софроний. Исполнился от Рождества Христова тысяча шестьсот пятый год, когда принесена была в сие место. Феофан иеромонах, принесший сие Евангелие из рук царя Бориса к Святому Гробу. Управлял Церковью, как свидетельствуют и выше приведенные стихи. Софроний патриарх в то время, когда пришел к Святому Гробу. В лето Господне 7113»⁸⁸.

Из других предметов, хранившихся в ризнице Гроба Господня и имевших отношение к России, члены экспедиции отметили шпагу русского императора Петра I с надписью: «Vivat Peter Alex. Czar Moscoviae». Во время своего пребывания в Святой Земле члены экспедиции осмотрели также монастырь св. Саввы, монастырь Феодосия, монастырь св. Креста, принадлежавший ранее грузинским монахам, монастырь св. Иоанна Предтечи и монастырь Иоанна Хозевита⁸⁹.

В 1897 г. Институт воспользовался пребыванием в Палестине молодого художника из России Николая Карловича Клуге и поручил ему заняться съемкой планов, зарисовкой и фотографированием открытых к тому времени древних памятников в небольшой заиорданской деревне Мадеба, основанной на месте древнего моавитского города, упоминаемого в Библии (И. Навин. XIII, 16). Н. К. Клуге провел в Мадебе около года, и в результате появилась целая серия тщательно выполненных планов древнего города и обнаруженных там христианских базилик, акварелей, мозаик пола, сохранившихся в некоторых из этих базилик, а также фотографий архитектурных памятников⁹⁰.

Среди мозаичных изображений наибольший интерес представляла изготовленная в VI веке географическая карта Передней Азии, включавшая Палестину, Сирию и Египет. В 1899 г., на одном из заседаний Института, Н. К. Клуге изложил результаты своей деятельности, предпринятой им по поручению Института в Палестине.

Сообщение состояло в демонстрации и объяснении карт, планов, рисунков и фотографий древностей Мадебы⁹¹.

Сведения о палестиноведческой деятельности Института широко распространились как в России, так и на Ближнем Востоке, о новых археологических открытиях в Палестине Институту сообщали не только зарубежные научные учреждения, но и некоторые русские паломники, посещавшие Святую Землю. Одним из таких лиц был А. Соломяк, сообщивший Институту об открытой им в марте 1899 года античной мозаике II в. по Р. Х. во дворе одного дома в Иерусалиме вблизи Дамасских ворот⁹².

После прекращения деятельности Института в 1914 году его бывшие сотрудники не только продолжали палестиноведческие изучения, но и стремились придать этой деятельности определенные организационные формы. Так, в феврале 1917 года в Петрограде под председательством Ф. И. Успенского состоялось заседание комиссии, созданной Академией наук по вопросу об исследовании Палестины. Секретарем комиссии был избран проф. Петроградского университета М. И. Ростовцев, являвшийся с 1903 г. членом-сотрудником Института. Члены комиссии составили «Проект положения о Палестинском комитете при императорской Академии наук»; в проекте высказывались следующие предложения: 1) оживление в России интереса к палестиноведению; 2) поддержка русских ученых в их научных занятиях в области изучения Палестины и сопредельных с ней стран; 3) создание историко-археологического Института в Палестине⁹³. И хотя в те трудные годы не все из этих задач могли быть осуществлены, эти труды впоследствии приняло на себя Российское Палестинское Общество, председателем которого в 1921 г. был избран Ф. И. Успенский.

Сирия. Сведения о состоянии археологических раскопок в Сирии Институт получил уже в первый год своего существования от генерального консула в Бейруте Петковича. В своем сообщении генеральный консул рекомендовал Институту установить связи с жителем города Мерсины по имени Сингримано, который самостоятельно обследовал развалины христианского храма в Помпеуполе, причем часть добытых им при раскопках предметов была пожертвована в Россию. С Сингримано сотрудники Института установили непосредственные контакты⁹⁴.

В 1900 году в Сирию направилась экспедиция Института, в ее состав входили Ф. И. Успенский, художник Н. К. Клуге, фотограф Н. Э. Успенская, а также драгоман (переводчик) русского консульства в Иерусалиме Я. И. Хури. Существенную помощь участникам экспедиции оказало Православное Палестинское Общество, выделив на ее подготовку 5 тысяч рублей. За сравнительно короткое время — с 15 апреля по 1 июня 1900 г. члены экспедиции посетили Пальмиру (Тадмор), Хомс (Эмесса), Хаму (Епифанию), Халеб (Алеппо), монастырь преп. Симеона Столпника, а также монастыри в Седнае и Маалуле. Результаты исследований с приложением большого числа фотографий, планов, рисунков были впоследствии опубликованы Ф. И. Успенским в его монографии под названием «Археологические памятники Сирии»⁹⁵.

Кроме этого, часть материала, собранная членами экспедиции в Пальмире, была проанализирована и обработана сотрудниками Института, а также теми исследователями, которые поддерживали с Институтом научные связи. Такова, например, работа Б. В. Фармаковского под названием «Живопись в Пальмире»⁹⁶, в которой представлены материалы исследования погребальной пещеры Магарет-Абу-Схейль (вторая половина II в. по Р. Х.) и обнаруженные в ней надписи на арамейском языке.

Впоследствии Ф. И. Успенский привлек к работе над пальмирскими материалами отечественного ориенталиста П. К. Коковцева, профессора восточного факультета С.-Петербургского университета по кафедре еврейской и сирийской словесности. П. К. Коковцев опубликовал на страницах «Известий РАИК» свои исследования, основываясь на изучении хранившихся в Институте надгробных рельефов, приобретенных в Пальмире в 1901 г.⁹⁷ Изучение пальмирских археологических памятников П. К. Коковцев проводил как по фотографиям, представленным в его распоряжение Ф. И. Успенским, так и при личном осмотре коллекции во время своего пребывания в Константинополе в августе 1906 года.

Ф. И. Успенскому довелось еще раз побывать в Сирии в следующем, 1901 году и провести там большую работу по организации вывоза из Пальмиры в Россию большой каменной плиты с надписями на арамейском и греческом языках. Знаменитая двужычная надпись, датированная 137 годом по Р. Х., известная под названием «Пальмирского таможенного тарифа», была открыта в 1882 г. русским ориенталистом С. Абамелек-Лазаревым. Им же первым была сделана и научная оценка этого важного археологического памятника⁹⁸. Вскоре после этого в кругах русских специалистов

возникла мысль о приобретении этого памятника для одного из русских музеев. В 1884 году начались переговоры о приобретении «Пальмирского тарифа», в ходе которых почетный председатель Института русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев предпринял ряд мер, в результате которых на аудиенции 13 октября 1900 года турецкий султан объявил ему, что он дарит «пальмирский камень» России.

Весной 1900 года при своем первом посещении Пальмиры Ф. И. Успенский выяснил все необходимые условия для перевозки плиты, весившей более 11 тонн. Перед транспортировкой необходимо было прежде всего выкопать этот камень, находившийся глубоко в земле, а также нанять в Дамаске мастера, который смог бы распилить плиту на части для транспортировки по пустыне. Кроме того, требовалось заготовить перевозочные средства и организовать караван. Для успешного проведения работ генеральный консул в Иерусалиме А. Г. Яковлев командировал в распоряжение Ф. И. Успенского драгомана Я. И. Хури, который взял на себя практическую сторону дела.

Работа по вывозу плиты началась в мае 1901 г. и продолжалась в течение 71 дня в условиях изнуряющего зноя в пустыне, при ограниченном запасе воды. Преодолев многочисленные трудности, Ф. И. Успенский со своим помощником доставили драгоценный груз в Дамаск на восьми мулах. Отсюда плита была отправлена по железной дороге в Бейрут, потом пароходом до Одессы, а затем снова по железной дороге в Петербург. Часть расходов, связанных с перевозкой груза, оплатило министерство народного просвещения. 11 декабря того же года «Пальмирский таможенный тариф» прибыл в «Северную Пальмиру» — Петербург и был перевезен в «сухопутную таможенную», а вскоре он занял достойное место в Эрмитаже, где и находится в настоящее время⁹⁹.

Деятельность Института отнюдь не ограничивалась теми древними городами и селениями, которые были упомянуты в настоящем очерке. Так, например, сотрудники Института в 1898 г., при поездке в Македонию, осмотрели Водену (Эдесса) — древнюю столицу македонских царей¹⁰⁰. В 1899 г. Б. В. Фармаковский и другой сотрудник Института — А. А. Васильев вели в Македонии раскопки и открыли некрополь близ села Патели, а также много древних захоронений¹⁰¹. В 1898 г. Ф. И. Успенский посетил древний Охрид, а весной 1908 г. в Сербии ознакомился с Дечанской Лаврой, основанной в 1330 г. королем Стефаном Урошем, и ее окрестности. В этом древнем политическом центре Сербского царства Ф. И. Успенский сфотографировал росписи, а художник Н. К. Клуге сделал обмеры храма.

Италия. Сотрудники Института также уделяли внимание изучению «заморских» владений Византии и добились в этой области определенных результатов. Так, например, весной 1902 г. Ф. И. Успенский побывал в Италии и посетил Равенну. Среди многих памятников этого важного в истории христианского искусства города он остановился на исследовании фрагментов мозаики в церкви св. евангелиста Иоанна Богослова¹⁰².

По мнению Ф. И. Успенского, русской церковно-исторической наукой были достигнуты хорошие результаты по изучению культурного значения Византии для тех народов, которые входили в сферу ее влияния на Востоке: болгаров, сербов, румын, русских, армян и грузин. Но поскольку это влияние распространялось и на Запад и отразилось в разработке догматики, в формах и содержании богослужения, в философских системах и искусстве, то будущие исследования русских ученых в этом направлении должны были принести немало новых открытий. В этом плане Институту были предприняты некоторые конкретные шаги. Так, например, в 1903 г. Ф. И. Шмит был командирован Институту в Италию. Он отправился в Бари, Сицилию для ознакомления с византийскими древностями и прибыл в Рим, где, в частности, занимался изучением рукописей в Ватиканской библиотеке¹⁰³.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА И КАБИНЕТ ДРЕВНОСТЕЙ

В начальный период своей работы, как, впрочем, и в течение всего времени своего существования, Институт был весьма ограничен в материальных средствах. Поэтому на первых порах сотрудникам Института необходимо было избрать какую-либо ограниченную сферу деятельности и посвятить ей свои усилия. Такой первоочередной задачей было признано устройство библиотеки, и в этом начинании Институту оказали щедрую помощь многие научные учреждения. Уже один только перечень этих исследовательских и административных центров показывает ту широту исторических изысканий, которые проводились в России в конце прошлого столетия. Со многими

из этих учреждений РАИК в скором времени установил тесное научное сотрудничество: это Святейший Синод, С.-Петербургская, Московская и Киевская Духовные Академии, Православное Палестинское Общество, Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне, Академия наук, Академия художеств, Петербургский, Московский, Юрьевский (ныне — Тартуский. — *Авт.*), Новороссийский, Киевский, Харьковский университеты, министерство народного просвещения, Московское археологическое общество, Археологический институт в Петербурге, Историческое Общество Нестора Летописца в Киеве, Общество древней письменности, Общество истории и древностей российских при Московском университете, Одесское общество истории и древностей, Петербургское общество архитекторов, Петербургская Публичная библиотека, Российский Исторический музей, Русское археологическое общество, Русское географическое общество, Лазаревский институт восточных языков в Москве, Московский Публичный и Румянцевский музеи, Археологическая и Археографическая комиссии и ряд других¹⁰⁴.

С первых дней работы Института его сотрудники начали формирование и археологической коллекции. Но поскольку в Константинополе в то время существовал Оттоманский музей как правительственное учреждение, Институт не ставил своей задачей соперничество с собранием этого музея. Кабинет древностей Института формировался, в основном, из пожертвований; для коллекции приобретались только предметы, которые непосредственно относились к истории христианства в Византии.

Уже в 1895 г. в кабинете древностей находилось 143 предмета, относящихся к античной эпохе, и 124 предмета христианских времен. В основном — мелкая пластика, а также византийские свинцовые печати (моливдовулы) (380) и монеты — как византийские, так и древнереческие (1182)¹⁰⁵. В этом же году было положено начало сбору и изготовлению фотографий древних архитектурных памятников. К 1901 г. Институт уже имел полную серию фотографий древностей Константинополя, памятников древнехристианского искусства Равенны, Рима и других городов Италии, большое собрание снимков археологических памятников Малой Азии, Сирии, Иерусалима, Болгарии, Македонии, Афона и большую коллекцию снимков с рукописей.

В 1900 г. Институт приобрел для кабинета древностей памятник большой исторической важности — печать славянской военной колонии в Вифинии, ближайшей к Константинополю малоазийской провинции; эта печать датирована серединой VII столетия и представляла собой древнейший вещественный памятник славянского присутствия в Малой Азии, современный первым упоминаниям о славянах в Византии в хрониках и дополняющий их новыми фактическими данными¹⁰⁶.

Как известно, первое летописное известие о славянских передвижениях в Малой Азии относится к годам правления Константа II (642—668), к 664 году. Что же касается славянской печати, то этот памятник доказывал существование организованных славянских поселений, притом в определенной области — Вифинии — в 650-х годах. По словам сотрудника Института Б. А. Панченко, «существование славянской волости, образующей внутри себя особое административное целое, имеющее свою печать и должностное лицо во главе, которое скрепляло общественные акты своей личной подписью на одной и той же печати... — все эти данные нашего моливдовула говорят сами за себя... Наш моливдовул дает известия не только наиболее древние, первые по времени, но также и самые достоверные и самые непосредственные из всего, что известно о славянах в Малой Азии»¹⁰⁷.

В дальнейшем кабинет древностей также пополнялся интересными экспонатами; в 1901 году была приобретена печать (моливдовул) патриарха Михаила Керулария, а также большая печать соборного духовенства Святой Софии: на этом моливдовуле были изображены Божия Матерь и император Юстиниан, держащие в руках модель собора. В этом же году была приобретена печать архонта Херсонеса (Корсуни), и ей было суждено занять место на страницах русской истории, так как она содержала новые сведения о системе византийского управления городом, где принял крещение князь Владимир¹⁰⁸.

Библиотека Института пополнялась не только печатными изданиями, но и рукописями. Так, в 1902 г. рукописная коллекция насчитывала уже 116 греческих рукописей (или фрагментов рукописей), а также 30 славянских и 5 восточных манускриптов¹⁰⁹.

Институт приобретал не только древние рукописи, но и сравнительно новые в том случае, если в них содержались сведения, имеющие отношение к истории Русского государства. Одним из таких приобретений в 1903 г. был рукописный сборник на греческом языке (XVIII в.), содержащий, в частности, сочинение Евгения Булгариса «Победная песнь по поводу мира, дарованного славной и великой самодержицей всея Руси Екатериной II оттоманам после многих и великих побед на суше и на море»¹¹⁰.

К 1903 г. собрание древностей Института настолько расширилось, что для размещения коллекции было выделено специальное помещение в здании русского посольства, куда была перенесена большая часть собранных Институтом экспонатов, как из-за недостатка места в Институте, так и для большей сохранности. Некоторые из приобретенных Институтом имели не только узкоспециальный интерес, но и представляли ценность с чисто художественной точки зрения, и в таких случаях сотрудники Института предпринимали усилия к тому, чтобы с их приобретениями смог ознакомиться как можно более широкий круг специалистов. Так, в 1912 г. Институт переехал в собрание Эрмитажа скульптуру Доброго Пастыря¹¹¹.

Что касается печатных изданий, пополнявших библиотеку Института, то их число также постоянно росло. Данные годовых отчетов Института позволяют проследить рост объема институтского книгохранилища. Если в 1897 г. в библиотеке насчитывалось 8468 томов, то на 1909 год их было здесь уже около 20 тысяч, а к моменту прекращения деятельности Института (1914 г.) его библиотека состояла почти из 25 тысяч томов. Каждый год увеличивалось и рукописное собрание Института; в 1909 г. здесь насчитывалось уже более 200 рукописей; в последующие годы их число также постоянно возрастало. Коллекция свинцовых печатей (моливдовулов) на 1905 г. доходила до 4000 единиц хранения; значительным было и собрание монет античной и средневековой эпох.

ИНСТИТУТ И ДУХОВНЫЕ АКАДЕМИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Сотрудники Института занимались не только плодотворными изысканиями в области византиноведения, но они также щедро делились своими знаниями и опытом с исследователями из России, приезжавшими в Константинополь для научно-богословской работы. Уже в первый год работы Института (1895 г.) его помощью и содействием воспользовались 11 исследователей, прибывших в Константинополь с научными целями. Среди них был магистр Юрьевского (ныне — Тартуского) университета Е. М. Придик, магистранты Петербургского университета Я. И. Смирнов, Б. А. Панченко, М. И. Ростовцев; магистрант Новороссийского университета Б. В. Фармаковский, преподаватели Одесской гимназии Янушевский, Терновский, а также ряд иностранных ученых¹¹².

Впоследствии некоторые из них стали либо сотрудниками Института, либо вели исследовательскую деятельность по поручению Института. В числе этих ученых, воспользовавшихся содействием Института, был и кандидат С.-Петербургской Духовной Академии И. Е. Евсеев, который продолжил свои исследования в Каире. В 1896 г. он прислал в дар Институту краткое описание Александрийской патриаршей библиотеки в Каире, где им были найдены грамоты русских царей к Александрийским и Антиохийским Патриархам¹¹³.

С годами все более очевидной представлялась необходимость и важность сотрудничества Института с духовными школами Русской Православной Церкви. Этому способствовало также все более широкое ознакомление русских церковных кругов с задачами, стоящими перед Институтом. Так, в 1899 г. Б. В. Фармаковский принял участие в работе XI русского археологического съезда в Киеве, где сделал сообщение о текущей деятельности Института¹¹⁴. И вот, наконец, в 1902 г. было принято синодальное решение, согласно которому четыре имевшиеся к тому времени в России Духовные Академии могли по очереди командировать в Константинополь по одному профессорскому стипендиату для занятий по церковной истории под руководством сотрудников Института.

Первым таким посланцем стал профессорский стипендиат С.-Петербургской Духовной Академии И. А. Карабинов. Сначала он занимался изучением рукописей в библиотеке Иерусалимского подворья на Фанаре (Константинополь), а затем для сбора рукописных материалов, необходимых для подготавливавшегося им исследования по истории православной литургии, он отправился в Синай, в Иерусалим и на Афон¹¹⁵. Работа, проведенная И. А. Карабиновым в стенах Института и за его пределами, помогла ему впоследствии при написании таких работ, как «Постная Триодь. Исторический очерк. Ее план, состав, редакции славянских переводов» (СПб., 1910), «Студийский типик в связи с вопросом реформы нашего богослужебного устава» (Пг., 1915), и ряда других.

В 1904 г. для работы в Институте в Константинополь прибыл магистрант МДА М. И. Бенеманский. Здесь он был занят написанием своей диссертации по каноническому праву на тему «ὁ πρῶτος νόμος» императора Василия Македонянина;

его происхождение, характеристика и значение в праве (преимущественно церковном) Византии и славянских стран византийского влияния: Сербии, Болгарии, России»¹¹⁶. В библиотеке Института М. И. Бенеманский имел возможность пользоваться теми источниками, которые ранее оставались для него недоступными.

В 1905—1906 гг. в Институте подвизался доцент Киевской Духовной Академии иеромонах Анатолий (Грисюк): здесь он собирал материалы по истории сирийского монашества IV—VI вв. С этой целью он изучал сирийский язык, знакомился с жизнеописанием св. Симеона Столпника и его последователей, а также совершил научную поездку в Сирию, Иерусалим и на Афон¹¹⁷. Плодом его исследований явилось фундаментальное сочинение под названием «Исторический очерк сирийского монашества до половины VI в.» (Киев, 1911 г.) (299 стр.)¹¹⁸. В 1906 году иеромонаха Анатолия в Институте сменил магистр богословия Казанской Духовной Академии доцент А. Ф. Преображенский, который работал в архиве Фанара над новейшей историей греческого патриархата; он также совершил с научной целью поездку в Грецию на Афон.

Таким образом, помощью сотрудников Института смогли воспользоваться представители всех четырех Духовных Академий Русской Православной Церкви. Впоследствии здесь работали еще два выпускника духовных школ из России: кандидат МДА Н. К. Махаев (1908 г.), который знакомился с важнейшими архитектурными памятниками Константинополя и изучал греческую палеографию, что было необходимо для работы о православном календаре, а также кандидат Киевской Духовной Академии А. Д. Дмитриев (1913 г.), изучавший по первоисточникам историю византийского государственного права и, в частности, вопрос о взаимоотношении Церкви и государства в Византии.

Научные связи Института с Духовными Академиями поддерживались и помимо работы с их выпускниками. Так, в 1895 г. для проф. МДА Е. Е. Голубинского по его просьбе сотрудниками Института была снята копия с одной рукописи, хранящейся в метохе Иерусалимской Патриархии в Константинополе¹¹⁹. С 1898 г. Институту был налажен регулярный обмен научными изданиями с библиотеками С.-Петербургской и Киевской Духовных Академий. Библиотека Института пополнялась также в результате частных пожертвований; среди прочих лиц сюда периодически посылали книги такие профессора духовных школ, как А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский, А. А. Дмитриевский, И. Е. Евсеев, И. С. Пальмов и др.¹²⁰

И, наконец, необходимо отметить, что руководство Института периодически отмечало заслуги тех представителей духовных школ Русской Православной Церкви, которые вносили свой вклад в развитие отечественного византиноведения или оказывали реальную поддержку подобного рода научным исследованиям. Почетными членами Института вскоре после его основания были избраны проф. МДА Е. Е. Голубинский, проф. СПбДА прот. И. Л. Янышев и ряд других; членами Института были избраны профессор СПбДА В. В. Болотов, И. С. Пальмов, а также профессор Киевской ДА А. А. Дмитриевский. В 1902 г. почетными членами Института были избраны ректор МДА епископ Арсений и профессор МДА Н. Ф. Каптерев; в 1903 г.— ректор СПбДА епископ Сергей; в 1905 г.— ректор Казанской ДА епископ Алексий и профессор Казанской ДА Ф. А. Курганов, а также ректор МДА епископ Евдоким, в 1909 г.— доцент МДА Н. Л. Туницкий. Кроме того, членами-сотрудниками Института были избраны профессор МДА И. Д. Андреев (1905) и заслуженный профессор Киевской ДА Н. И. Петров (1907).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА

За недолгое время своей деятельности РАИК установил тесные связи и с зарубежными научными учреждениями, в которых также проводились исследования в области византиноведения. В конце XIX в. Институт уже осуществлял обмен научными изданиями с Кембриджским университетом, Британским Палестинским Обществом (Лондон), Ватиканской библиотекой, Австрийским археологическим институтом (Вена), с Упсальским университетом (Швеция), с научными учреждениями в Греции, Румынии, Австро-Венгрии. В начале нынешнего столетия эти связи были расширены и дополнены обменом научными изданиями с Национальным институтом в Женеве (с 1906 г.), с Французским институтом восточной археологии, с Калифорнийским университетом (США) (с 1909 г.), с Датским Королевским обществом в Копенгагене, Американским археологическим институтом в Вашингтоне (с 1910 г.) и рядом других научных центров.

С 1896 г. Институт начал издавать периодические сборники под названием «Известия Русского археологического института в Константинополе», где публиковались исследования его сотрудников, а также труды иностранных авторов. В следующем, 1897 году Институт начал обмен изданиями с Немецким археологическим институтом в Афинах и Риме; из Германии Институт получал книги от известного немецкого византолога Карла Крумбаха (с 1901 г.), от Немецкого археологического института в Берлине (с 1905 г.); в 1906 г. Институт вступил в обмен изданиями с Тюбингенским университетом, откуда был получен ряд диссертаций по византологии. Руководство Института стремилось к расширению научных связей с иностранными исследовательскими центрами, и с этой целью в 1907 г. был заключен договор с известным книгопродавцем Гаррасовицем в Лейпциге, который организовал распространение «Известий РАИК» за границей. Сотрудники Института радушно принимали в Константинополе своих зарубежных коллег и, в свою очередь, при необходимости пользовались их помощью. Так, например, в 1905 г. сотрудник Института Р. Х. Лепер (ученый секретарь Института с 1901 по 1908 г.) участвовал в работе международного археологического съезда в Афинах (7—21 апреля 1905 г.), а затем, при содействии проф. В. Дерпфельда, директора (первого секретаря) Немецкого археологического института в Афинах, в составе группы ученых посетил около 20-ти интересных в археологическом отношении мест на островах Эгейского моря и вдоль малоазийского побережья. По возвращении в Константинополь Р. Х. Лепер сделал в Институте подробное сообщение об увиденных им раскопках, которые велись под руководством ученых из западноевропейских стран.

И, наконец, следует упомянуть о том, что вскоре после основания Института его почетными членами периодически избирались видные зарубежные византологи и ориенталисты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успешная деятельность Русского Археологического Института в Константинополе продолжалась до 16 октября (ст. ст.) 1914 г. и прекратилась в связи с началом первой мировой войны, после того как Турция была включена в военные действия против России на стороне Тройственного союза. Директор Института Ф. И. Успенский, как и все его сотрудники, вынужден был спешно покинуть Константинополь, оставив там все накопленные материалы, его библиотеку и музей.

Ф. И. Успенский, как бывший директор Института, постоянно тревожился за судьбу институтского архива, оставленного в 1914 г. в Турции. После эвакуации русских учреждений, находившихся в Турции, турецкое правительство секвестрировало библиотеку и коллекцию Института, хотя на время войны Институт оставался под защитой итальянского, а затем испанского посла. Турки вывезли из Института 65 ящиков с книгами и коллекциями, а здание Института было превращено в лазарет¹²¹.

В середине декабря 1914 г., уже находясь в России, Ф. И. Успенский получил официальное уведомление о том, что «турецкие чиновники, уложив имущество музея и книги в ящики, увезли все в турецкий (Оттоманский.— Авт.) музей. Итальянскому послу удалось добиться составления описи всего реквизируемого имущества. Оказалось, что забрано свыше 25 тысяч томов, среди которых многие имеют огромную библиографическую ценность. В музей забран ценнейший археологический материал, в том числе редкие образцы балканского и вообще ближневосточного искусства»¹²². Стоимость утраченных научных материалов оценивалась Ф. И. Успенским в полмиллиона рублей.

Такая неопределенная ситуация продолжала существовать и в дальнейшем. Некоторая надежда на возвращение утраченных научных материалов Института возникла у Ф. И. Успенского в 1916—1917 гг. во время его исследовательской работы в Трапезунте, где, как было сказано выше, члены экспедиции спасли от уничтожения большое количество исламских рукописей.

В связи с этим Ф. И. Успенский выдвинул идею о праве русского правительства наложить секвестр на книги, рукописи и коллекции, находящиеся в Трапезунте. «По стоимости они, конечно, не равняются тому, что секвестрировано турками в Константинополе,— писал Ф. И. Успенский,— но так как между ними находится множество книг религиозного содержания (кораны) и не одна сотня рукописей светских по истории, филологии и литературе, которые пользуются значением у ориенталистов, то весьма вероятно, что в будущих мирных переговорах с турками имеющая быть предъявленной со стороны русских партия книг и рукописей, секвестрированных нами в Трапезунте, послужила бы некоторым вознаграждением турецкому правительству за рукописи и коллекции Русского Археологического Института в Константинополе, возвращении коих мы будем требовать»¹²³.

В последующие годы Ф. И. Успенский предпринимал усилия по возобновлению деятельности Института в Константинополе, но отсутствие дипломатических отношений между двумя странами делало его шаги бесперспективными, и в мае 1920 года последовало официальное упразднение Института.

26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль (Ататюрк) от имени Великого национального собрания Турции обратился к правительству нашей страны с предложением об установлении дипломатических отношений. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор «О дружбе и братстве» между РСФСР и Турцией. В октябре того же года аналогичный договор был подписан с закавказскими республиками — Азербайджаном, Грузией и Арменией, а в 1922 г. — с УССР. В конце 1922 г. в Турции был ликвидирован султанат, а в ноябре 1923 г. она была провозглашена республикой. Все эти события способствовали улучшению отношений между обеими странами; большое значение имели поездки в Турцию таких выдающихся отечественных ориенталистов, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, и других, которые принимали активное участие в работе турецких научных обществ, выступали с лекциями и докладами в университетах и т. п. В 1925 г. при Академии наук была образована комиссия по изучению вопроса о возможном возобновлении деятельности Института в Константинополе; в эту комиссию помимо Ф. И. Успенского вошли также С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский. И хотя этот проект в то время не был осуществлен¹²⁴, все же через несколько лет турецкое правительство согласилось передать нашей стране научные материалы Института в обмен на те мусульманские рукописи, которые в 1916—1917 гг. были вывезены из Трапезунта в Россию.

В 1929 г. в Турцию был направлен старший ученый хранитель Пушкинского Дома М. Д. Беляев, который прибыл в Стамбул для того, чтобы на месте осуществить прием научных материалов Института. К сожалению, при этом М. Д. Беляев не смог руководствоваться описью институтского архива, но был вынужден принять те материалы, которые ему были переданы директором Османского музея, слышавшегося на то, что в свое время он принял их на хранение также без описи. Тем не менее в 1930 г. бесценный груз прибыл в Ленинград и был помещен в Библиотеку Академии наук (БАН). Была создана комиссия по приему институтского имущества; большинство рукописей и книг пополнило собрание БАН, часть из них была передана в Институт истории в Ленинграде. Что же касается музейных экспонатов, то они заняли почетное место в собрании Эрмитажа. Так, например, сюда было передано более 5 тысяч моливдовулов, благодаря чему эрмитажная коллекция свинцовых печатей, насчитывающая теперь около 12 тысяч единиц, занимает по полноте собрания второе место в мире. Помимо произведений мелкой пластики, в Эрмитаж из собрания Института поступило также 25 икон XIV—XVIII вв.

Следует отметить, что в состав этих материалов не вошли те экспонаты Института, которые хранились в здании русского посольства. Как уже было сказано, часть собрания древностей Института была перенесена сюда в 1903 г. Кроме того, в июле 1914 г. сотрудники Института Б. А. Панченко и Н. Л. Окунев перенесли в здание русского посольства собрание фотографий, часть архивных материалов, а также наиболее ценные экспонаты — золотые монеты, самые древние моливдовулы и т. п. Все это было сделано для большей сохранности экспонатов в условиях военного времени, но, к сожалению, впоследствии именно поэтому они и были утрачены для отечественной науки.

Дело в том, что Московский договор 1921 года содержал обязательство обеих сторон не допускать на своей территории пребывания групп, имеющих целью борьбу с другой договаривающейся стороной. Это обязательство имело в виду в первую очередь прекращение деятельности белоэмигрантских группировок, обосновавшихся в Турции. В связи с этим в Константинополе прекратила свою деятельность русская (эмигрантская) дипломатическая миссия, занимавшая здание бывшего русского посольства. В это время в Константинополе находился бывший сотрудник Института Н. К. Клуге, который в письме сообщил Ф. И. Успенскому в Петроград о том, что при ликвидации этой миссии из здания посольства было вывезено 36 ящиков с экспонатами кабинета древностей, и в 1923 году они были отправлены в США.

Кроме того, утраченной для исследователей оказалась и та часть архива Института, которая в июле 1914 г. была отправлена его сотрудниками в Одессу. В 1923 г. по распоряжению тогдашнего ректора Новороссийского университета эта часть архива была продана с публичного торга, и Ф. И. Успенскому удалось спасти лишь остатки этих материалов; в 1926 г. они были перевезены в Ленинград¹²⁵.

Следует сказать несколько слов о дальнейшей судьбе директора Института — Ф. И. Успенского. Еще в 1893 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1900 г. стал академиком. После прекращения деятельно-

сти Института Ф. И. Успенский по-прежнему уделял большое внимание изучению истории русско-византийских отношений в связи с христианизацией Руси. Особое место он отводил исследованиям македонской династии византийских императоров (877—1057) и, в частности, эпохе правления Константина VII Порфирородного (913—959). На этот период, отмечал Ф. И. Успенский, «падают обширные энциклопедические предприятия, соединенные с редакторской деятельностью Константина Порфирородного... Так, Константин мог отыскать в императорских архивах и сделать известными первые документальные данные по нашей истории, разумею официальную запись — род дворцового журнала — о приеме великой княгини Ольги и ее свиты в константинопольском дворце. Необходимыми у Константина известиями выясняются первые страницы русской летописи. Самые боевые вопросы нашей истории, как норманнский, как кирилло-мефодиевский или еще вопрос о договорах с греками, не могут быть двинуты вперед без изучения сохраненных Константином архивных материалов. Кто не знает, наконец, что история славян вообще, а юго-западных в особенности, в самых основных и древних чертах если не раскрывается, то покоится на собранных им же материалах?»¹²⁶

Весной 1918 г. Ф. И. Успенский внес в Академию наук предложение об образовании комиссии с целью углубления византологических исследований и, в частности, предложил расширить при Академии наук изучение эпохи Константина Порфирородного. «Единственная рукопись сочинений Константина Порфирородного «De Ceremoniis» или его знаменитого «Обрядника», находящаяся в Лейпцигской городской библиотеке, у нас совсем неизвестна. С нее следует сделать фотографический снимок и предпринять новое издание со всеми накопившимися комментариями», — писал Ф. И. Успенский, добавляя при этом, однако, что «независимо от сего предстояло бы заняться углублением славянских и русско-византийских исследований на основе Константина Порфирородного и обширной литературы, накопившейся как в России, так и у славян, и на Западе»¹²⁷.

Не было бы ничего странного, если изложенный проект Ф. И. Успенского в те тяжелые годы был бы признан несвоевременным. Самое интересное как раз заключается в том, что в 1918 г. такая комиссия была образована под председательством самого Ф. И. Успенского; в нее также вошли академики В. В. Латышев, А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский и М. И. Ростовцев¹²⁸. По предложению Ф. И. Успенского к этой тематике обратилось и Историческое Общество Нестора Летописца, на некоторое время возобновившее свою деятельность в 1921 г. в Киеве под председательством академика Н. П. Василенко¹²⁹. Одной из тем, предложенной его членам в качестве реферата, был доклад под названием «О приеме княгини Ольги в Константинополе» (Комментарий к «Обряднику» Константина Порфирородного)¹³⁰.

Что же касается Ф. И. Успенского, то в 1922—1927 гг. он читал курс по истории Византии в Ленинградском университете и до самой своей кончины в 1928 г.¹³¹ сохранял интерес к изучению русско-византийских связей эпохи Крещения Руси. Здесь же можно упомянуть об одном сообщении, касающемся работы образованной в 1918 г. под председательством Ф. И. Успенского комиссии по изучению русско-византийских отношений. Члены этой комиссии отмечали, что в ее архиве «постепенно собирается обширный материал, который ждет своего опубликования, когда наступят к тому благоприятные обстоятельства»¹³². И сегодня, когда Русская Православная Церковь находится в преддверии 1000-летия Крещения Руси, отечественные и зарубежные исследователи, имеющие доступ к архивным материалам, связанным с данной проблематикой, имеют хорошую возможность внести свою достойную лепту в празднование этого великого юбилея.

Завершая обзор деятельности Русского Археологического Института в Константинополе, представленный в самых общих чертах, можно было бы кратко обобщить результаты исследований, проведенных в нем за неполные 20 лет. Но работа его многочисленных сотрудников была настолько плодотворна, что простое перечисление сделанных ими открытий и исследований заняло бы слишком много места. С другой стороны, можно лишь приблизительно представить себе тот громадный объем работы, те выдающиеся открытия, которые могли быть сделаны, если бы деятельность Института продолжалась и в последующие годы. Но, несмотря на кратковременное существование Института, отечественным исследователям, неутомимо трудившимся в его стенах, принадлежат немалые заслуги в области византиноведения, изучения русско-византийских связей и выявления тех истоков, из которых русский народ почерпнул христианское просвещение. В канун празднования 1000-летия Крещения Руси результаты деятельности Института вызывают особый интерес, что побуждает не забывать об этом ярком периоде в истории русской церковно-исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Ертов И. Д.* История Восточно-Римской или Константинопольской империи, выбранная из всеобщей истории. Ч. 1—3. СПб., 1837.

² Цит. по: *Известия Русского Археологического Института* (далее — ИРАИК), т. I, Одесса, 1896, с. 8.

³ *Записки Новороссийского университета*, XXVII, 1879, с. 97—416. Отдельное издание: Одесса, 1879, 256 с.

⁴ *Анналы*. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук. Пг., 1922, с. 119.

⁵ Там же, с. 120.

⁶ Там же, с. 121.

⁷ Там же, с. 125.

⁸ Там же.

⁹ ИРАИК, т. I, с. 10.

¹⁰ См. *Успенский Ф. И.* и *Смирнов Я. И.* Вновь найденный пурпурный кодекс Евангелия. ИРАИК, т. I, с. 138.

¹¹ ПБ, греч. 573. См. «Византийский Временник», т. 16, 1959, каталог греч. рукоп. № 18. «Codex N», «Codex Purpureus Petropolitano». Пурпурный пергамент. Унциал, писанный серебром и золотом, см. также: *Cronin H. S.* Codex Purpureus Petropolitano. The Text of Codex N of the Gospels ed. with an introduction and an appendix. Cambridge, 1899.

¹² Текст патмосских листов напечатал аббат Дюшен в 1876 г. *Duchesne. Memoire sur une mission au Mont Athos.* Paris, 1876.

¹³ Al Sommo Pontefice Leone Ommaggio giubilare della Bibliotheca Vaticana. Rom., 1888.

¹⁴ ИРАИК, т. II. Одесса, 1897. Отчет о деятельности РАИК в 1896 г., с. 38.

¹⁵ Первая рукопись XI в., № 212, 288 л.; вторая — XI в., № 213, 153 л.

¹⁶ См. *Фармаковский Б. В.* Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому Институту в Константинополе. ИРАИК, т. VI, вып. 2—3. София, 1901, с. 254—255.

¹⁷ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3. София, 1904, с. 402. Отчет за 1902 г., а также там же, с. 421. Отчет за 1903 г.

¹⁸ ИРАИК, т. XII. София, 1907.

¹⁹ *Византийский Временник*, т. XXIII (1917—1922), отд. 1, стр. 118—133. Петроград, 1923.

²⁰ См. ИРАИК, т. I, с. 46 за 1895 г.

²¹ См. *Вульф О. Ф.* Семь чудес Византии и храм Святых Апостолов. ИРАИК, т. I, с. 35—76.

²² См. ИРАИК, т. VI, вып. 2—3, с. 472. Отчет за 1899 год.

²³ См. ИРАИК, т. VIII, вып. 3. София, 1903, с. 335. Отчет за 1901 год.

²⁴ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 407. Отчет за 1902 год.

²⁵ ИРАИК, т. VIII, вып. 1—2, с. 119—152.

²⁶ ИРАИК, т. XI. София, 1906.

²⁷ См. ИРАИК, т. XIV, вып. 2—3. София, 1909, с. 132. Отчет за 1906 год.

²⁸ См. ИРАИК, т. XV. София, 1911, с. 250—251. Отчет за 1909 г.

²⁹ См. *Панченко Б. А.* Рельефы из базилики Студия в Константинополе. ИРАИК, т. XVI. София, 1912, с. 1—359.

³⁰ См. ИРАИК, т. II, с. 39. Отчет за 1896 год.

³¹ С точки зрения русского византиноведения Трапезунт заслуживает особого внимания. Это основывается на том, что он был с 1207 по 1461 г. столицей самостоятельного государства и продолжал традиции римско-византийской империи; кроме того, Трапезунтская империя простирала свое влияние на северные берега Черного моря, держала в зависимости город Кафу (соврем. Феодосия) на южном берегу Крыма; вплоть до самого падения это выражалось в официальном титуле императоров «царь и самодержец всей Анатолии, Грузии и Ператии (заморская земля)». Этот термин обозначал ту часть побережья современной Грузии, которая лежит «за морем», на север от Трапезунта (*прим. авт.*).

³² См. ИРАИК, т. I, с. 24—28. Отчет за 1895 год.

³³ См. *Погодин П. Д.* и *Вульф О. Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк. ИРАИК, т. II, с. 77—184.

³⁴ См. ИРАИК, т. II, с. 14. Отчет за 1896 г., а также см.: *Кулаковский Ю. А.* Надписи Никеи и ее окрестностей. ИРАИК, т. VI, вып. 1, с. 208—215.

³⁵ См. ИРАИК, т. XIV, вып. 2—3, с. 130. Отчет за 1906 год.

- ³⁶ См. Византийский Временник, т. XXI, с 113—114.
- ³⁷ См. ИРАИК, т. VI, с. 418, с. 436, вып. 2—3. Отчет за 1899 г. В Листре христианство проповедовали еще свв. апостолы Павел и Варнава (см. Деян., 14, 7; 2 Тим. 3, 11). Впоследствии в Листре образовалась христианская община. Уже в I в. в Листре был епископ Артем, один из семидесяти учеников Христовых. В первые века христианства неоднократно встречается упоминание о епископах Листры. Деревня Килистра, по-видимому, находилась на территории древней Листры. Процветанию христианства в этой местности пришел конец с нашествием турок-сельджуков в XI столетии (*прим. авт.*).
- ³⁸ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 406. Отчет за 1902 год.
- ³⁹ См. ИРАИК, т. XIII. София, 1908, с. 314. Отчет за 1904 год.
- ⁴⁰ См. Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского о командировке в Трапезунт. *Известия императорской Академии наук*, 1916, № 16, VI серия. 15 ноября, Петроград, с. 1464—1480.
- ⁴¹ «Известия Российской Академии наук», 1918, с. 231; см. также статью Ф. И. Успенского «Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте». — *Византийский Временник*, т. XXIII (1917—1922), с. 1—14.
- ⁴² См. «Известия императорской Академии наук», 1916, IV серия, 1 декабря, № 17, с. 1659. Второй отчет Ф. И. Успенского о занятиях в Трапезунте и окрестностях.
- ⁴³ См.: *Крачковский И. Ю.* Описание собрания коранов, привезенных из Трапезунта академиком Ф. И. Успенским. — «Известия Академии наук», VI серия, № 6, 1 апреля 1917 г., с. 346—349. См. также «Известия АН», № 16, VI серия, 15 ноября, Петроград, с. 1490—1491 (Отчет Ф. И. Успенского).
- ⁴⁴ Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927.
- ⁴⁵ См. Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г. (доложено на заседании Отделения исторических наук и филологии 17 января 1918 г. Ф. И. Успенским). «Известия Российской Академии наук», 1918, VI серия, № 5, с. 207—238. Перед членами экспедиции стояли разнообразные задачи: так, А. Е. Крымский и П. Н. Лозеев осуществляли сбор и анализ рукописного и печатного материала, а также описание рукописей, книг и архивных документов, собранных ранее в мечети Орта-Хиссар. Проф. МДА Н. Д. Протасов осуществлял изучение архитектуры и живописи древних церквей, Н. Е. Макаренко — изучение стен города и Трапезунтского акрополя, Н. Б. Бакуланов — составление планов и чертежей главных трапезунтских церквей, Н. К. Клуге — копии с некоторых, открытых ранее фресок, Г. К. Мейер — рисунки важнейших памятников Трапезунта и его окрестностей; Ф. И. Успенский осуществлял общее руководство экспедицией (*прим. авт.*).
- ⁴⁶ См. ИРАИК, т. I, с. 29.
- ⁴⁷ См. *Успенский Ф. И.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. ИРАИК, т. II, с. 1—29, а также публикации текста рукописи: там же, с. 30—66.
- ⁴⁸ См. *Баласчев Г.* Новые данные для истории греко-болгарской войны при Симеоне. ИРАИК, т. IV, вып. 3, с. 189—220.
- ⁴⁹ См. ИРАИК, т. I, с. 31. Отчет за 1895 г.
- ⁵⁰ См. там же, с. 45.
- ⁵¹ См. ИРАИК, т. II, с. 39. Отчет за 1896 г. (К сожалению, этот проект не был осуществлен. — *Прим. авт.*)
- ⁵² См. *Шмит Ф. И.* Каталог житийных рукописей Ватопедского монастыря на Афоне. ИРАИК, т. VIII, вып. 3, с. 264—297.
- ⁵³ ИРАИК, т. IX, вып. 2—3, с. 3—230.
- ⁵⁴ См. ИРАИК, т. XIII, София, 1907, с. 152—252. Х. М. Лопареву принадлежит также книга «Греческие жития святых VIII и IX вв.» Пг., 1914.
- ⁵⁵ См. *Ильинский Г. А.* Рукописи Зографского монастыря на Афоне. Т. XIII, с. 253—276.
- ⁵⁶ См. его обзор «Рукописные собрания Афона». *Ученые записки Казанского университета*, 1897, кн. 11/12, с. 1—18.
- ⁵⁷ См. ИРАИК, т. XIII, с. 342—343. Отчет за 1905 г.
- ⁵⁸ См. ИРАИК, т. XIV, вып. 2—3, с. 129. Отчет за 1906 г.
- ⁵⁹ См. ИРАИК, т. VIII, вып. 3, с. 337. Отчет за 1901 г.
- ⁶⁰ См. ИРАИК, т. XIII, с. 346. Отчет за 1905 г.
- ⁶¹ См. ИРАИК, т. I, с. 34—35.
- ⁶² См. *Придик Е. М.* Надписи из Фессалии. ИРАИК, т. I, с. 79—137.
- ⁶³ См. краткое описание рукописей в ИРАИК, т. III, с. 133—141, а также статью: *Ростовцев М. И.* Надписи из Македонии. ИРАИК, т. IV, вып. 3, с. 166—188.

- 64 См. ИРАИК, т. I, с. 25, 40. Отчет за 1895 г.
- 65 См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 424—425. Отчет за 1903 г.
- 66 См.: *Успенский Ф. И.* О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни. ИРАИК, т. XIV, вып. 1, с. 28—29.
- 67 См. ИРАИК, т. XV, с. 245. Отчет за 1909 г.
- 68 См. *Шмит Ф. И.* Панагия Ангелоктистос. ИРАИК, т. XV, с. 206—239.
- 69 См. ИРАИК, т. XV, с. 288. Отчет за 1910 г.
- 70 См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 412—419. Отчет за 1903 г.
- 71 См.: *Успенский Ф. И.* О древностях города Тырново. ИРАИК, т. VII, вып. 1, София, 1901, с. 1—24.
- 72 См. ИРАИК, т. II, с. 19.
- 73 Там же, с. 10. Отчет за 1896 г.
- 74 См.: *Успенский Ф. И.* Две исторические надписи. II Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. ИРАИК, т. III, София, 1898, с. 188.
- 75 См. ИРАИК, т. IV, вып. 2—3. Отчет за 1899 г., с. 442.
- 76 *Успенский Ф. И.* Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. ИРАИК, т. X, София, 1905, с. 12.
- 77 Там же, с. 9.
- 78 ИРАИК, т. X, София, 1905.
- 79 *Успенский Ф. И.* Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. ИРАИК, т. X, с. 12—13.
- 80 См.: *Успенский Ф. И., Шкорпил К. В.* Вновь открытая надпись Омортага. Столицы (аулы, становища) древних болгар. ИРАИК, т. X, с. 544—554. (Перенесение столицы Болгарии из Плиски в Преслав произошло в 893 году. В 971 году Преслав был захвачен византийцами.— *Прим. авт.*)
- 81 Текст памятника напечатан в ИРАИК, т. II, приложение, с. 1—82. См. также: *Попруженко М. Г.* Синодик царя Бориса. ИРАИК, т. V, София, 1900, приложение, с. 1—175.
- 82 См. ИРАИК, т. II, раздел «Хроника», с. 15—16.
- 83 См., например: *Успенский Ф. И.* Надпись царя Самуила (от 992 г.) ИРАИК, т. IV, вып. 1, с. 1—4; *Флоринский Т. Д.* Несколько замечаний о надписи царя Самуила, т. IV, вып. 1, с. 5—13; *Ильинский Г. А.* Грамота царя Иоанна Асеня II. ИРАИК, т. VII, вып. 1, с. 25—39; *Успенский Ф. И.* Болгарские Асеневичи на византийской службе в XIII—XIV вв. ИРАИК, т. XIII, с. 1—16, а также ряд других статей.
- 84 См. ИРАИК, т. XVI, с. 368—370.
- 85 См. ИРАИК, т. II, с. 32. Отчет за 1896 г.
- 86 См. ИРАИК, т. I, с. 40. Отчет за 1895 г. См. там же, с. 20—27, раздел «Хроника».
- 87 Там же, с. 40.
- 88 Цит. по: ИРАИК, т. II, с. 34—35. Отчет за 1896 г.
- 89 Там же, с. 37.
- 90 См.: *Павловский А. А.* и *Клуге Н. К.* Мадеба. ИРАИК, т. VIII, вып. 1—2, с. 79—115.
- 91 См. ИРАИК, т. VI, вып. 2—3, с. 408. Отчет за 1899 г.
- 92 См.: *Соломяк А.* О вновь открытых мозаиках в Иерусалиме. ИРАИК, т. VI, вып. 2—3, с. 482—485.
- 93 См. «Известия Академии наук». VI серия, № 9, Петроград, 15 мая 1917 г., с. 604—605.
- 94 См. ИРАИК, т. I, с. 41. Отчет за 1895 г.
- 95 ИРАИК, т. VII, вып. 2—3. София, 1902, с. 94—212.
- 96 ИРАИК, т. VIII, вып. 3, с. 172—198.
- 97 *Коковцев П. К.* Новые арамейские надписи из Пальмиры. ИРАИК, т. VIII, вып. 3, с. 302—329; его же: К пальмирской археологии и эпиграфике. ИРАИК, т. XIII, с. 277—302.
- 98 *Абамелек-Лазарев С.* Пальмира. Археологическое исследование. СПб., 1884.
- 99 См. *Успенский Ф. И.* О перевозке из Пальмиры в С.-Петербург плиты с надписью. ИРАИК, т. XIII, с. 363—371.
- 100 *Милоков П. Н.* Христианские древности Западной Македонии. ИРАИК, т. IV, вып. 1, София, 1899, с. 21—151.
- 101 См. ИРАИК, т. VI, вып. 2—3, с. 473. Отчет за 1899 г.
- 102 *Успенский Ф. И.* Фрагменты мозаичной росписи в церкви св. ев. Иоанна в Равенне. ИРАИК, т. VIII, вып. 1—2, с. 63—78. Церковь св. ев. Иоанна была возведена в V веке по приказанию и на средства императрицы Галлы Пладиции, дочери импе-

ратора Феодосия Великого и матери императора Валентиниана III. Постройка церкви и сделанная в ней мозаичная роспись были исполнением благочестивого обета, в благодарность за спасение от бури, застигшей императрицу на пути из Константинополя в Равенну.— См. там же, с. 63.

¹⁰³ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 424—425. Отчет за 1903 г.

¹⁰⁴ См. ИРАИК, т. I, с. 13—14.

¹⁰⁵ См. там же, с. 51—52.

¹⁰⁶ См. *Панченко Б. А.* Памятник славян в Вифинии VII века. ИРАИК, т. VIII, вып. 1—2, София, 1902, с. 15—62.

¹⁰⁷ См. там же, с. 62.

¹⁰⁸ См. ИРАИК, т. VIII, вып. 3, с. 339. Отчет за 1901 г.

¹⁰⁹ Там же, с. 409—410. Отчет за 1902 г.

¹¹⁰ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, с. 429. Отчет за 1903 г.

¹¹¹ См. «Византийский Временник», т. XXI.

¹¹² ИРАИК, т. I, с. 43. Отчет за 1895 г.

¹¹³ См. ИРАИК, т. II, с. 9, раздел «Хроника».

¹¹⁴ См. ИРАИК, т. VI, София, 1900, с. 418. Отчет за 1899 г.

¹¹⁵ См. ИРАИК, т. IX, вып. 3, София, 1904, с. 425. Отчет за 1903 г.

¹¹⁶ Впоследствии вышла отдельным изданием (Сергиев Посад, 1906). См. ИРАИК, т. XIII, с. 312. Отчет за 1904 г.

¹¹⁷ См. ИРАИК, т. XIV, вып. 2—3, с. 127. Отчет за 1906 г.

¹¹⁸ См. рецензию на эту книгу: «Византийский Временник», т. XXI, вып. 3—4, отд. II, с. 173—180, Пг., 1915.

¹¹⁹ См. ИРАИК, т. I, с. 44.

¹²⁰ См. ИРАИК, т. III, с. 228.

¹²¹ См. «Известия Российской Академии наук», 1918, VI серия, № 5, с. 226.

¹²² Газета «Речь», 1914, 17 декабря, № 342. Цит. по: Библиографическая летопись, 1915, II, отд. III, с. 7.

¹²³ Цит. по: «Известия...», с. 226—227.

¹²⁴ Аналогичная попытка была предпринята в 1945 году, в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Ф. И. Успенского. Тогда была образована подобная комиссия, в которую вошли Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. Н. Лазарев, Е. А. Косминский, но, к сожалению, ее работа не принесла каких-либо конкретных результатов (*прим. авт.*).

¹²⁵ Сведения о судьбе архива и коллекций Института после 1914 года приводятся на основании доклада, прочитанного 12 апреля 1985 года в Ленинградском отделении Института востоковедения АН, на заседании, посвященном 90-летию со времени основания Института. Авторы доклада, составленного на основании архивных данных,— сотрудник архива АН Ю. А. Пятницкий и сотрудник Ленинградского отделения Института археологии С. А. Ершов.

¹²⁶ «Византийский Временник», т. XXIII, отд. II, «Хроника византиноведения», с. 138—139.

¹²⁷ Там же, с. 139.

¹²⁸ Там же, с. 141.

¹²⁹ Периодическое издание этого Общества — «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца» — издавалось с 1879 по 1914 г. (*прим. авт.*).

¹³⁰ «Византийский Временник», т. XXIII, отд. II, с. 141.

¹³¹ Ф. И. Успенский скончался 10 сентября 1928 г. в Ленинграде и был похоронен на Смоленском кладбище.

¹³² «Византийский Временник», т. XXIII, отд. II, с. 141.